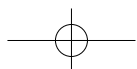
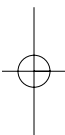
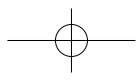
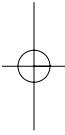

АЛЕКСАНДР СКИРДА

Социализм интеллектуалов

АЛЕКСАНДР СКИРДА

**Социализм
интеллектуалов**

Ян Вацлав МАХАЙСКИЙ

**Разоблачитель социализма,
марксизма и самого Маркса**

Перевод с первого французского издания 1978 года
и второго 2001 года под редакцией автора

**ГРОМАДА
Париж
2003**

ПУБЛИКАЦИИ А.СКИРДЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Нестор Махно, казак свободы 1888–1934. Гражданская война и борьба за вольные советы в Украине 1917–1921. Изд-во Громада, Париж, 2001.

Индивидуальная автономия и коллективная сила: обзор либертарных идей и практик от Прудона до 1939 г. Изд-во Громада, Париж, 2002.

Вольная Русь. От веча до советов 1917 года Изд-во Громада, Париж, 2003.

Порицатель «капиталистов знания»

К концу XIX и началу XX века промышленное развитие Российской империи, включавшей тогда Финляндию и Польшу, привело к образованию социалистических партий и организаций, которые стремились представлять интересы быстро растущего рабочего класса. Между противостоящими друг другу идеологическими направлениями велась долгая и сложная полемика по вопросу о пути и целях, которые должна ставить перед собой русская революция. Образцом для подражания в то время служила германская социал-демократия благодаря своему широкому влиянию в среде германских рабочих и своим успехам на выборах. Поэтому русские теоретические споры часто улаживались посредством ссылок на Маркса, Энгельса, а также на их «наследника» Каутского¹.

Таким был контекст, в котором появились работы Яна Вацлава Махайского, подвергавшие резкой критике с позиций революционного марксизма германскую социал-демократию. Затем автор направил свою «марксистскую» критику в другую сторону – против русских марксистов, марксизма и, в конечном счете, против самого Маркса и социализма вообще. Он пришел к крайнему и парадоксальному выводу: социализм, по его мнению, не более чем идеология интеллектуалов, извлекающих пользу из своего объединяющего положения внутри капиталистического общества благодаря контролю над производством и управлением экономики, а также своей монополии на знания, и пытающихся возвыситься в новый господствующий класс. Этот

восходящий класс «капиталистов знания» ограничен в своих целях только узкими рамками традиционного капитализма и использует борьбу рабочего класса для продвижения собственных интересов.

Этот оригинальный подход нашел в то время определенный отклик и стал вдохновляющим началом для довольно значительного революционного движения в России в 1905-1912 годах, получившего название *махаевщина*, по имени своего основателя.

Вопросы, поднятые Махайским, о природе и роли социализма, о месте и роли интеллектуалов в индустриальном обществе, капиталистическом и социалистическом, полностью сохраняют по сей день свою актуальность, и требуют более пристального знакомства с автором и его трудами².

Ян Вацлав Махайский родился 15 декабря 1866 года в местечке Пинцов Келецкого воеводства, в русской части Польши³. Его отец Константин Махайский, мелкий чиновник, вскоре умер, оставив семью в нищете. Матери пришлось открыть семейный пансион для учеников келецкой гимназии. Сын помогал ей, давая уроки юным жильцам, зачастую это были его одноклассники. Именно тогда он познакомился с будущим польским писателем Стефаном Жеромским. Блестяще окончив гимназию, Махайский поступил в Варшавский университет, где изучал естественные науки, а затем медицину. Но политическая борьба против царизма занимала его больше, чем учеба. Он заинтересовался целями польского национализма, соединив их вскоре с социализмом. В 1891 году он подвергся первому аресту в Галиции за подпольный ввоз революционной литературы.

После четырехмесячного пребывания в краковской тюрьме Махайский получил разрешение эмигрировать в Цюрих. Именно там он избавился от иллюзий относительно мотивов, которые двигали польскими социалистами: он понял, что они ведут борьбу против царизма не ради освобождения рабочего класса, а исключительно ради создания независимого польского государства, не затрагивая при этом существующую эксплуатацию. В результате этого первого социального урока, он переходит на интернацио-

налистские позиции, становится марксистом, и забрасывает свою учебу в университете. В 1892 году в крупном польском промышленном центре Лодзи была сурово подавлена вспыхнувшая там забастовка. Махайский пишет и издает обращение к рабочим Лодзи с призывом бороться против «царя и капиталистов» «семь дней из семи», вместе с «нашими друзьями, русскими рабочими». Он сам попытался подпольно провезти тираж на место событий, но царская полиция арестовала его на германско-русской границе. Он вновь попал в тюрьму, где провел три года, вначале в Кракове, потом в Санкт-Петербурге. Затем получил еще пять лет ссылки в Сибирь, в Вилюйск, затерянный якутский городок.

Ссылные жили тогда в изолированных местах, под присмотром местной полиции. Государство предоставляло им минимум средств, и они организовывали коммуны. В таком принудительном поселении для ссылных был свой не прямой интерес, который состоял в постоянной возможности обмениваться своими взглядами. В Вилюйске, куда Махайский прибыл в 1895 году, он встретил социал-демократов и народников, между которыми велась оживленная дискуссия о «русском пути к социализму», то есть об альтернативе между эволюцией по европейскому образцу и прямым переходом, без промежуточного этапа буржуазной революции, к социализму, опираясь на сельскую общину и рабочие артели. Махайскому повезло: у одного из его товарищей по ссылке оказалась очень богатая социалистическая библиотека на нескольких языках. Поскольку в тюрьме подобной возможности не было, он погрузился в чтение, совершенствуя, таким образом, свое знание основополагающих источников марксизма и социализма и обсуждая их с другими ссылными.

В 1898 году Махайский собственноручно напечатал на гектографе плод своих размышлений – брошюру *Эволюция социал-демократии*, содержащую резкую критику реформизма и оппортунизма немецкой социал-демократии.

Два главных положения, на которых держится вся марксистская теория, обобществление средств производства как цель, и борьба классов, как средство, сведены немец-

кой социал-демократией к использованию права голоса, в пределах самого плоского легитимизма, и к лояльному участию в существовавших буржуазных учреждениях. Так, Либкнехт заявлял на одном из собраний венских рабочих: «Социал-демократия – хотя мы никогда не отрицали ее революционного характера и не стремимся к этому, – может утверждать: после того, как будет прочно установлено всеобщее избирательное право, мы станем единственной партией порядка в Германии»⁴. Махайский отмечает, что главная цель завоевания власти для социал-демократии означает лишь все более полное включение ее деятельности в государственный аппарат и, тем самым, поддержку существующего строя. Диктатура пролетариата сводится, таким образом, к участию в государственной власти и к сотрудничеству, через представителей социал-демократов, «демократически» избранных пролетариатом, в ведении дел буржуазии.

Это замечание подтверждается следующим явлением: «После каждой победы у нее оказывается плод как будто не тот, который ожидался. Чем больше, согласно своей формуле, она приближается к своей цели, тем более в ее собственном сознании цель от нее отдаляется. Чем больше она готовится к делу, тем больше это дело не похоже на первоначальный план. Чем больше она приобретает сил, тем более видит она себя вынужденной входить в сотрудничество с другими общественными группами»⁵.

Это приводит, в конечном счете, Махайского к утверждению, что «на свои первоначальные революционные усилия она начинает смотреть с таким скептицизмом и непониманием, как старец на свои юношеские увлечения»⁶.

Махайский разоблачает реформизм социал-демократии с позиций убежденного марксиста. Его выступление не означает пока еще разрыва с «ортодоксальным» марксизмом. Вместе с тем, оно предшествует появлению ревизионизма Бернштейна, событию, подтвердившему обоснованность критических замечаний Махайского, которые теперь будут повторяться защитниками «ортодоксального» марксизма. Однако, постепенно, по ходу анализа, Махайский начинает осознавать, что его стремление избавить теорию

от некоторых «ошибок» «обнаруживает стремление вывести марксизм из его заблуждений на истинный революционный путь»⁷ может быть, при любых обстоятельствах, только «утопическим».

Чтобы установить источник социал-демократического оппортунизма, Махайскому пришлось обратиться к текстам «отцов-основателей», не только к поздним работам Энгельса 1890-х годов, но и к исходным трудам самого Маркса, и он не побоялся найти там семена этих «заблуждений»: «Провозглашением неприкосновенности марксизма провозглашались неприкосновенными и элементы оппортунизма, заложенные в его основах. Реформизму грозила не смерть, а приговор произрастать, как и раньше, втайне, под покровом старых революционных фраз»⁸.

После того, как эта первая работа была хорошо принята ссылкой, Махайский продолжил свои размышления и напечатал в 1899 году, все так же на гектографе, вторую и третью брошюры, в которых он обрушивается на Маркса и на социализм вообще.

В своих первых ссылках воспоминаниях Троцкий, находившийся неподалеку от Махайского, упоминает его работы, с которыми он познакомился осенью 1900 года, и рассказывает о впечатлении от них: «Из Виллюйска были нам доставлены литографированные тетради Махайского. Первая тетрадь, в которой он подвергал критике оппортунизм германской социал-демократии, произвела на всех большое впечатление подбором фактов и цитат. Вторая тетрадь, насколько помню, была в том же роде, только послабее. Затем, третья, в которой автор развертывал свою положительную программу и сбивался отчасти на революционный синдикализм, отчасти на трэд-юнионизм, казалась мне, как и большинству социал-демократических элементов ссылки, чрезвычайно слабой. Единомышленников из Виллюйской колонии, старики народники подхватывали его критику, как орудие против социал-демократии вообще, не особенно заботясь о выводах»⁹.

Троцкий встретился с Махайским в 1902 году в Иркутске и слушал на протяжении всего вечера его спор с К.К. Бауэром, марксистом, связанным со Струве. Махайский во

время всего спора повторял одни и те же аргументы, из-за чего Бауэр выходил из себя от возмущения. Когда Троцкий, воспользовавшись паузой, попытался робко вмешаться в спор, оба противника обрушились на него и заставили замолчать¹⁰.

В более поздней редакции своих воспоминаний Троцкий вновь возвращается к этой теме: «В тот же период мы столкнулись с критикой слева. В одной из более северных колоний, кажется, в Виллюйске, проживал ссыльный Махайский, имя которого вскоре затем приобрело довольно широкую известность. Махайский начал с критики социал-демократического оппортунизма. Первая его гектографированная тетрадь, посвященная разоблачению оппортунизма немецкой социал-демократии, имела в ссыльных колониях большой успех. Вторая тетрадь была посвящена критике экономической системы Маркса и подводила к тому неожиданному выводу, что социализм есть общественный строй, основанный на эксплуатации рабочих профессиональной интеллигенцией. Третья тетрадь посвящена была отрицанию политической борьбы в духе анархосиндикализма. В течение нескольких месяцев работа Махайского стояла в центре внимания ленских ссыльных. Она послужила для меня серьезной прививкой против анархизма, очень размашистого в словесном отрицании, но безжизненного и даже трусливого в практических выводах»¹¹.

Хотя в этой второй редакции воспоминаний более точно представлено содержание второй и третьей брошюр, Троцкий здесь напрасно делал себе «прививку» против анархизма: Махайский не щадил и анархистов, смешивая их в одну кучу с социалистами вообще. То, что ему не удалось «вставить ни единого слова» во время той пресловутой вечерней дискуссии, оставило, должно быть, в душе Троцкого определенную досаду и смутное впечатление об истинной природе критики Махайского. Как бы там ни было, сразу же после побега и прибытия в Лондон Троцкий рассказал об этом Ленину, сообщил ему о том сильном впечатлении, которое произвела на большинство ссыльных резкая критика социал-демократического оппортунизма, о возму-

щении, вызванном нападками на Маркса и интеллигенцию, а также о положительной программе Махайского, представлявшей собой зачаток синдикализма с примесью пережитков «экономизма»: «Заговорили о Махаевщине, о том, какое произвела она впечатление на ссылку, многие ли поддались. Я рассказал, что первая гектографированная тетрадь Махайского, доставленная нам “сверху” по Лене, произвела на большинство из нас сильное впечатление резкой критикой социал-демократического оппортунизма и в этом смысле совпадала с тем ходом наших мыслей, который вызывался полемикой между Каутским и Бернштейном. Вторая тетрадь, где Махайский “срывает маску” с марксовых формул воспроизводства, усматривая в них теоретическое оправдание эксплуатации пролетариата интеллигенцией, вызвала в нас теоретическое возмущение. Наконец, полученная нами позже третья тетрадь, с положительной программой, в которой пережитки экономизма сочетались с зародышами синдикализма, произвела впечатление полной несостоятельности»¹².

В действительности выступление Махайского было несколько более сложным, чем это представляет Троцкий. Он избрал в качестве исторического примера июньские дни 1848 года в Париже, когда «демократическая» Республика расстреляла цвет парижского пролетариата, для того чтобы показать, что у пролетариев больше врагов, чем это указано в *Коммунистическом манифесте* Маркса. Этими врагами были не только капиталисты, владельцы средств производства, и крупные помещики, но и целая прослойка буржуазии, якобы «демократической» и внешне приверженной делу рабочего класса, но защищавшей в действительности совершенно другие исторические и экономические интересы.

Эта «демократическая» составляющая буржуазии соответствует для Махайского социально-экономическому явлению, связанному с ростом промышленности, который приводит к рождению и развитию нового класса квалифицированных и компетентных работников – техников, инженеров, ученых, управленческого и административного персонала, – которые, присоединяясь к уже существующей

видной интеллигенции – адвокатам, журналистам, преподавателям и другим людям, зарабатывающим пером, контролируют во все большей степени социальную и экономическую жизнь и управляют, не располагая при этом командными рычагами, все еще находящимися в распоряжении промышленной, земельной, финансовой, военной и тому подобной олигархии:

«Во всех странах, во всех государствах существует громаднейший класс людей, которые вовсе не имеют ни промышленного, ни торгового капитала и вместе с тем живут, как настоящие господа. Это класс образованных людей, класс интеллигенции.

Они не владеют ни землей, ни фабрикой, ни мастерской, а пользуются не меньшими грабительскими доходами, чем средние и крупные капиталисты. Они не имеют собственных предприятий, но они такие же белоручки, как средние и крупные капиталисты, так же как и те, всю жизнь свободны от ручного труда и если участвуют в производстве, то лишь как управляющие, директора, инженеры, то есть по отношению к рабочим, к рабам ручного труда, являются такими же командирами и господами, как и предприниматели-капиталисты»¹³.

Положение этого нового класса уязвимо: хотя он и участвует в капиталистической эксплуатации и извлекает из нее пользу, но остается при этом зависимым от прихотей и произвола плутократов, поэтому он обнаруживает тенденцию к сближению с пролетариями и, внешне, даже к защите их дела. Это позволяет, с одной стороны, «откупиться» за ту роль, которую он играет в их эксплуатации, и, с другой стороны, получать большую плату за услуги от своих работодателей, питая при этом надежду стать на их место.

Наиболее подходящим политическим выражением для этого класса является социализм, который «в своих нападениях на промышленника никак не затрагивает «гонорары» директора и инженера, который «оставляет неприкосновенными все доходы «белоручек», считая их «зарплатой» работников умственного труда, и который объявляет интеллигенцию «незаинтересованной и непричастной к капиталистической эксплуатации» (Каутский). Поскольку «со-

циализм XIX ст., вопреки убеждению всех верующих в него, не есть нападение на основу строя неволи, существующего на протяжении веков в виде всякого цивилизованного общества – государства. Он нападает лишь на одну из форм этой неволи, на господство класса капиталистов. Даже в случае его победы он не упраздняет векового грабежа: он уничтожает лишь частное владение материальными средствами производства – землей и фабриками, он уничтожает лишь капиталистическую эксплуатацию»¹⁴. Поскольку «обобщение средств производства обозначает лишь упразднение права частного владения и распоряжения фабриками и землей», к чему мы приходим?

«Экспроприация класса капиталистов вовсе еще не означает экспроприации всего буржуазного общества. Одним упразднением частных предпринимателей современный рабочий класс, современные рабы не перестают быть рабами, осужденными на пожизненный ручной труд; стало быть не исчезает, а переходит в руки демократического государства-общества создаваемая ими национальная прибыль, как фонд для паразитного существования всех грабителей, всего буржуазного общества. Последнее, после упразднения капиталистов, остается таким же, как и раньше, господствующим обществом, образованным правителем, миром белоручек, остается владельцем национальной прибыли, которая распределяется в виде столь же приличных, как и ныне, “гонораров” “умственных рабочих” и, благодаря семейной собственности и семейному укладу жизни, сохраняется и воспроизводится в их потомстве»¹⁵.

Это есть государственный социализм, или государственный капитализм, как принято его определять в наши дни, поскольку этот строй предоставляет этому классу не только преимущество держать под своим контролем принятие решений, но также владеть правом пользования всем производственным аппаратом, прибыль от которого он себе коллективно присваивает в форме высоких доходов и различных материальных преимуществ.

Социальная сила, которая находит свое выражение в этом замысле, это «просвещенное», «образованное» общество, общество, которое захватило знание и культуру;

это «растущая армия умственных рабочих, интеллигенция, впитывающая в себя с прогрессом цивилизации средние слои общества, мелких капиталистических собственников; армия привилегированных “наемников” капитала и капиталистического государства, находящаяся в антагонизме с последними при продаже им своих знаний, выступающая поэтому в известные моменты этой своей борьбы, как часть антикапиталистической пролетарской армии, как социалистический отряд; потребитель национальной прибыли, в то же время, владелец всей цивилизации, защищающий, как и всякий другой класс собственников, это свое имущество – результат векового грабежа, – от нападения ручных рабочих»¹⁶.

Идеология, которая обосновывает лучше всего такой социализм, это научный социализм, – разработанный Марксом и Энгельсом и ставший настоящей религией для этого нового восходящего класса. Марксизм привлекает его своим культом интенсивного развития производственных сил, неизбежным промышленным развитием, поскольку он подчиняется законам, «не зависящим от воли людей», и отождествляется с научным, техническим, и, тем самым, социальным прогрессом.

Более того, этот его «научный» и «прогрессивный» аспект оправдывают некоторым образом стремление элиты знания стать наследником капиталистов во имя исторической справедливости, искусно скрывая, таким образом, самую обычную хищническую сущность своих классовых интересов.

В этой новой религии место рая занимает бесклассовое общество – коммунизм: *«Подобно тому, как попы во все века учили рабов, что порабощение и все их страдания существуют по божьей воле, точно так же ученые социалисты уверяют современных рабов – класс ручных рабочих – что их каторга и неволя следуют вовсе не исключительно из любви всего господствующего мира белоручек к паразитной грабительской жизни, а из законов производства, от воли людей не зависящих.*

Для того, чтобы массы охотнее подчинялись божеским законам, измышленным попами в угоду господ, попы обе-

щали им полное блаженство в будущей жизни. Точно так же ученые социалисты обещают рабочим, что те же самые экономические законы, которые обрекали до сих пор большинство людей на рабство, приготовили для будущих счастливых поколений неизбежный на земле социалистический рай. Вся жизнь современных государств, учат они, неудержимо направляется к строю всеобщего равенства, к коммунизму. Капиталисты в беспощадной конкуренции сами поедают друг друга и с каждым днем грабителей оказывается на земле все меньше и меньше. Все капиталистическое хозяйство от непрерывных, мол, промышленных кризисов само все больше и больше приближается к своей гибели. Одним словом, грабители, капиталисты сами роют себе могилу и против их собственной воли хозяйство их непрерывно развивается в сторону обобществленного, социалистического хозяйства. Вековой строй грабежа и эксплуатации даже без всяких усилий людей, просто по велениям природы, зреет, как плод на дереве, для счастливой будущей справедливой жизни.

Итак, из буржуазного грабежа растет непрерывно всеобщая социалистическая справедливость. Таким ловким выдумкам самые настоящие попы позавидуют»¹⁷.

Подобно тому, как это происходит в других религиях, этот сияющий рай служит приманкой, им пытаются соблазнить рабочих и подвести их к гораздо более реальным целям политической демократизации и национализации экономики. Такой «переход» позволяет новому классу укрепиться у власти и достичь расцвета.

Этот идеал является тем более мифическим, что «объективные и субъективные» условия перехода к коммунистическому обществу не будут созданы сразу, придется быть «реалистом» и послушно ждать пришествия нового божества, исторического становления, чтобы оно благоволило объявить в один прекрасный день наступление этой зрелости: «Марксизм, а так как он лучшее выражение социализма XIX века, – то вместе с ним и весь современный социализм решил сделаться религией, безошибочным социалистическим откровением, хотя бы заключенный в этом откровении план освобождения порабощенных не

осуществлялся целые столетия и тысячелетия, беспорочным пролетарским евангельем, хотя бы все грабители признали его, как в свое время учение Христа, освящением прогресса их господства»¹⁸. [...] «Изобретя в своей “пролетарской” науке социалистическое провидение, соц-дем-ия в своей практике научила рабочие массы терпеливо выжидать наступления социалистического рая и в коммунистических молитвах благословлять буржуазный прогресс»¹⁹.

Для Махайского Маркс, основатель научного социализма, был пророком нового господствующего класса, одаренного и компетентного, способного устранить плутократов, устаревшее звено, тормозящее лучшее и более высокое развитие крупного производства, этого рога изобилия, который должен привести к коммунизму.

Внимательно прочитав и скрупулезно изучив *Капитал*, ставший уже «библией» того времени, Махайский нашел в нем показательные отрывки, в которых Маркс отдает преимущество в вознаграждении сложному труду по сравнению с простым: «Труд, который имеет значение более высокого, более сложного труда по сравнению со средним общественным трудом, есть проявление такой рабочей силы, образование которой требует более высоких издержек, производство которой стоит большего рабочего времени и которая имеет поэтому более высокую стоимость, чем простая рабочая сила. Если стоимость этой силы выше, то и проявляется она зато в более высоком труде и овеществляется поэтому за равные промежутки времени в сравнительно более высоких стоимостях»²⁰.

Исходя из этого, Махайский делает вывод, что Маркс тем самым отдает приоритет функциям руководства и управления по сравнению с задачами исполнения. Стоимость лет, потраченных на подготовку «сложной рабочей силы», соответствует накоплению «знания», которое является чем-то большим, нежели простая рабочая сила – «капиталом», который должен быть рентабельным и оплачиваться дивидендами в форме высоких доходов.

Махайский продолжает свою критику *Капитала*, отмечая, что Маркс, чтобы определить понятия постоянного и переменного капитала, рассматривает только отдельно

взятое капиталистическое предприятие, а не капиталистическое производство в целом. «Эксплуатацию рабочего класса в современном обществе Маркс раскрывает в пределах отдельного капиталистического предприятия. Это, так сказать, ревизия счетов капиталиста, определение той суммы неоплаченного труда – прибавочной стоимости, которая получается, если из суммы, вырученной капиталистом от продажи товаров, вычесть ту сумму, которую он затратил на приобретение “объективных и субъективных факторов производства”. В этих-то пределах, в сфере отдельного капиталистического предприятия, а не в сфере всего капиталистического производства, Маркс устанавливает все экономические понятия и категории, необходимые для его учения, и затем, когда это нужно, целиком переносит их на общественное хозяйство. Таким образом, именно при ревизии счетов отдельного капиталиста, взимание всей стоимости, созданной рабочим сверх стоимости необходимых для него средств существования, называет категорически эксплуатацией»²¹. Махайский обвиняет Маркса в том, что посредством мертвого, прошлого труда, который якобы вновь вкладывается в постоянный капитал, он скрывает вознаграждение «работников умственного труда», в частности их потребление, возможное благодаря доходам, полученным от роста производительности, а также ту часть средств, которая идет на наследственное воспроизводство культурной элиты, воспитание следующих поколений.

«Капиталистическое общество пользуется для приготовления необходимых ему интеллигентных сил своим специальным фондом, “чистым доходом нации”, общей суммой национальной прибавочной стоимости. “Чистый доход” буржуазного общества находится в руках буржуазных семей в виде их наследственной собственности. Каждое поколение привилегированных наемников, интеллигенция, поглощает во время своего воспитания сумму национальной прибавочной стоимости. Таким образом, они становятся “высоквалифицированной рабочей силой”, силой “высшего качества, высшей меновой стоимости”. Это значит: *именно в силу того, что они поглотили известную сумму*

прибавочной стоимости, они, по логике строя грабежа, приобретают право и далее взимать, под видом платы за воспитание, неоплаченный продукт чужого труда, труда пролетария. И все это плата за их индивидуальные способности! Присвоенную под видом вознаграждения за труд “высшего качества” прибавочную стоимость буржуазное общество передает своему потомству, и величайшее богатство человечества – знания, наука – делается наследственной монополией привилегированного меньшинства. Только члены этого наследственного привилегированного меньшинства могут быть силой “высшего качества”; все же остальные миллионы владеют наследственной монополией рабского ручного труда. Только в среде наследственной буржуазной монополии могут рождаться таланты, мыслители, изобретатели. Для того, чтобы наследственная монополия могла “справедливо” реализовать свои собственные “особые индивидуальные знания и способности”, у пролетариата ограбили не только наследие всех веков, но и его способность пользоваться нормальным образом своим естественным органом – мозгом»²².

Таким образом, для Махайского «та общественная сила, скрыть которую составляет первую задачу марксизма, – классовый интерес образованного общества в момент развития крупной промышленности, интерес класса привилегированных наемников, умственных рабочих в капиталистическом государстве, – выступает со своеобразной яркостью и силой в буржуазной России»²³.

Оригинальность Махайского состоит в том, что он обнаруживает социальный антагонизм, более глубокий, чем тот, который основывается на производственных отношениях – механизм, который существует в общественном разделении труда между функциями руководства и задачами исполнения. Он показывает, сверх того, что поскольку высшее вознаграждение за управленческий труд взимается с исполнительского труда, оно, следовательно, является составной частью прибавочной стоимости.

Это объясняет приверженность к марксизму русской интеллигенции того времени, хорошо осознававшей преимущества, которые ей предоставляла эта идеология. Русские

интеллектуалы играли на руку капитализму, преследуя явную цель быть признанными в качестве лояльных партнеров буржуазии и затем устроить свои собственные интересы в грядущем социальном столкновении: «Русский соц-дизм, как массовое явление, родился как бернштейнианство. Революционер в России согласился стать соц-дом лишь тогда, когда даже для немецких министров и прокуроров стало несомненным, что соц-дия – противник насильственной рабочей революции, что она, как партия буржуазного прогресса, является во всяком конституционном государстве “партией порядка”»²⁴. [...] «Русская соц-демия упорно, непоколебимо, не смущаясь упреками невежд, преследует это назначение революционного социализма. В последние годы она доставляет все более и более блестящие доводы своих неопределимых заслуг перед буржуазным обществом. Ныне вся Россия знает, что революционный социализм, просвещенный безошибочной “пролетарской” наукой марксистов, является надежнейшим и вернейшим слугою буржуазии»²⁵.

В качестве спасительного для пролетариата решения Махайский проповедует бунт «мозолистых рук», прямой и дикий, нечто вроде строгого и аполитического «экономизма». Рабочие должны организовывать широкомасштабные заговоры с целью удовлетворения своих требований: «Современный социализм не может и не хочет упразднить векового грабежа и неволи. Вопреки формулам социализма истекшего столетия, вопреки формулам и социалдемократическим, и анархистским, рабочему классу предстоит новая эпоха борьбы, эпоха *всемирных рабочих заговоров, диктующих, посредством всемирных рабочих стачек, законы государственной власти*. В этой новой эпохе борьбы, ведущейся исключительно за требования *ручных рабочих* (чисто экономические требования), рабочие, с расширением своего заговора и своих восстаний, совершат *экспроприацию не только капиталистов, но и всего образованного общества*, всех потребителей доходов, превышающих доход рабочего. На место современной семейной собственности они завоюют возможность для каждого человеческого существа *рождаться равным с другими владель-*

цем богатств земли и цивилизации, приобретать своим рождением право и материальные средства на одинаковое для всех проведение детства и юности, на равное воспитание и образование. Лишь с экспроприацией современного образованного общества падают устои векового грабежа и неволи рабочих масс»²⁶.

После пяти лет сибирской ссылки Махайский получил разрешение вернуться в европейскую часть России. Но во время одной из полицейских проверок его приняли за недавно бежавшего Юрия Стеклова²⁷, и он вновь подвергся аресту. Когда обстоятельства выяснились, несколько десятков рукописей, найденные при нем во время ареста, послужили основанием для обвинения и заключения в тюрьму. После внесения в качестве залога значительной суммы, собранной благодаря солидарности местных революционеров²⁸, Махайский был освобожден и отправлен на поселение в Иркутск.

Там вокруг него образовался небольшой кружок рабочих активистов, который заявил о себе выпуском листовки по случаю 1-го Мая 1902 года. Авторы листовки резко обрушиваются как на царизм, так и на тех, кто «за рабочим движением зорко следят и пользуются им, как средством для своих целей», – «те слои образованного общества, которые при русском самодержавном строе не допускаются до полного господства в стране, до всех высших должностей власти; пользуются рабочим движением те массы непристроившейся интеллигенции, которая видит, сколько можно было бы выстроить в громадном русском государстве прибыльных и тепленьких местечек, способных накормить по-барски всех страдающих интеллигентов»²⁹.

Листовка призывала превратить день 1-го Мая из политического праздника, каковым он являлся, в день конкретных требований, экономической борьбы за сокращение рабочего дня, за повышение зарплаты рабочим, короче, в движение возмущения против судьбы работников физического труда, находящихся на службе у «ученого мира», «против того рабства, в котором вы еще до рождения обречены».

Этот призыв, конечно, был по-разному воспринят местной социалистической интеллигенцией, но получил одоб-

рение большинства рабочих. Эта деятельность не осталась без внимания местной полиции. Махайский, вместе с тремя своими сторонниками, был вновь арестован и приговорен к семи годам административной ссылки в самую глубь Сибири, на Колыму. Он воспользовался кратким пребыванием в пересыльной тюрьме под Иркутском и, благодаря помощи социал-демократа Петра Гарви, сбежал, добрался до европейской части России, а затем до Швейцарии.

В своих воспоминаниях Гарви с большой симпатией описывает личность Махайского: «Махайский, автор нашумевшей книги “Умственный рабочий”, и его ближайшие ученики – “махаевцы” – Миткевич, Верхотуров и рабочий-булочник Чуприна. О “махаевщине” мы слышали уже от иркутских товарищей, и с любопытством разглядывали главаря этой революционной секты и его трех “апостолов”. Махайский, уже немолодой и успевший уже отбыть одну якутскую ссылку, имел крайне привлекательную внешность. Среднего роста, хорошо сложенный, с глазами польского революционера-фанатика на энергичном лице, обрамленном негустой бородкой, он поражал своей живостью. В общении был чрезвычайно мил, внимателен и сердечен. Приехал он, кажется, с приговором (конечно, административным) на 7 или на 10 лет Колымской области. Разумеется, с первых же дней он помышлял о побеге: из Колымской области, на самом севере Восточной Сибири, невозможно было бежать в те времена»³⁰.

Махайский был страстным игроком в шахматы и большим любителем танцев. Единственной его слабостью был алкоголь, он пил чистый спирт. Однажды он стащил бутылку медицинского спирта, которую распил вместе с «питухами» из ссыльной колонии.

Местным жандармам Махайский и его сторонники были представлены как «особо опасные лица, подлежат исключительно строгому и бдительному надзору». По словам Гарви, у Махайского было больше последователей среди ссыльной интеллигенции, чем среди рабочих, что объясняется тем, что интеллигенция и так уже должна была стремиться, в большинстве случаев, искупить свое привилеги-

рованное социальное происхождение и опасалась подозрений в «чистоте своей преданности рабочему классу».

Гарви приписывает Махайскому следующее убеждение: «Социал-демократия это величайший обман пролетариата. Это самая хитрая уловка буржуазии! Раньше, бывало, рабочие бунтовали, повинуюсь своему классовому инстинкту. Они громили фабрики-казармы; они уничтожали в своем справедливом гневе машины, обрекавшие их на голод и подневольный труд; они убивали своих кровопийц. Буржуазии нужна была полиция, жандармерия, армия, чтобы подавить бунт голодных. Но вот пришла социал-демократия – и избавила буржуазию от страха перед социальной революцией. К чему полиция, армия, судебные репрессии? Чуть рабочие восстанут на своих притеснителей, как социал-демократия тут как тут: “не поддавайтесь на провокацию”, “соблюдайте дисциплину”, “разгром фабрик и машин – это признак классовой незрелости и несознательности”. Буржуазия знает, что ее имущество – самое чувствительное ее место – лучше жандармов сберегут социал-демократы»³¹.

Когда Гарви в ответ ему заметил, что немецкая социал-демократия первой освободила рабочий класс от политического влияния буржуазии, организовала классовую борьбу, став, таким образом, авангардом рабочего класса, и что Бебель был рабочим, Махайский возразил, что Бебель переметнулся на другую сторону, к «работникам умственного труда», и что руководители якобы рабочих партий были почти все интеллектуалы, сынки той же буржуазии, только более хитрые и ловкие, чем их отцы капиталисты, поскольку они «поумнее и половчее своих отцов-капиталистов. Сынки спасают буржуазный строй не грубой силой, вызывающей только протест и сопротивление, а социальным обманом».

Гарви возразил, что социал-демократия поставила себе в качестве цели свержение господства буржуазии, социальную революцию, замену капитализма социализмом. Махайский резко ответил: «А что такое ваш социализм? Ну, не будет капиталистов, а на их место усядутся умственные рабочие, организаторы производства, инженеры, техники,

люди свободных профессий. В их карманы потечет прибавочная стоимость, они будут господствовать в вашем социалистическом обществе, они станут новым правящим классом».

Гарви отметил попутно определенное сходство между Махайским и большевиками в 1917 году: «Попутно отмечу, что впоследствии мне невольно навязывалась аналогия между большевизмом после 1917 года и махаевщиной: поражало сходство в приемах и содержании критики социал-демократии, как и в методах развязывания “бунта голодных” (ленинское “грабь награбленное!”, “ликвидация буржуазии”, травля интеллигенции). Хотя с другой стороны, партийная диктатура большевиков, эта подлинная диктатура над пролетариатом под знаменем “социализма”, оправдала предсказания Махайского об опасности воцарения на месте буржуазии власти “умственных рабочих”, инженеров и техников, организаторов хозяйства под личиной социалистов».

Осенью 1903 года Махайский прибыл вместе со своей молодой женой Верой (Розой Левин) в Женеву. В 1905 году, благодаря финансовой поддержке Янины Берсон, подруги жены, питавшей симпатии к его идеям, ему удалось напечатать типографским способом *Умственный рабочий*, переработанное издание, дополненное ранее отсутствовавшими предисловием и заключением. Вскоре он издает анонимно еще две брошюры: *Банкротство социализма XIX века* и *Буржуазная революция и рабочее дело*.

Одиннадцать лет лишения свободы оставили неизгладимый след в душе Махайского, и это, возможно, объясняет, почему он не вернулся немедленно в Россию для участия в революционной буре 1905 года. Макс Номад, который познакомился с ним в это время, он показался преждевременно состарившимся: в неполных сорок лет выглядел на все пятьдесят.

Тем временем в Одессе в 1904 году образовался довольно активный кружок рабочих, разделявших идеи Махайского. Движение 1905 года укрепило его позиции, появились кружки в других городах: Екатеринославе, Виль-

нюсе, Белостоке, Варшаве и Санкт-Петербурге. В 1906 году Махайский сам вернулся в Россию, чтобы принять участие в деятельности группы «Рабочий заговор» в Санкт-Петербурге. Ему удалось легально переиздать две первые части брошюры *Умственный рабочий* и опубликовать аннотированный перевод работы Маркса *Святое семейство*, ранее не издававшиеся в России. Эти публикации стали возможными только благодаря краткому периоду либерализации.

В своих новых работах, опубликованных в Женеве и в Санкт-Петербурге, Махайский, в общем, повторяет то, что было уже прежде изложено, иногда дословно, иногда более сжато. Благодаря некоторым дополнительным штрихам он уточняет и усиливает обоснованность своей критики социализма и интеллигенции. Он вновь подчеркивает недоверие, которое следует питать по отношению к теориям и идеологиям, выдвигаемым интеллигенцией и рассматривающим социальную революцию не как непосредственную цель, а как высшее достижение своих собственных действий: «А интеллигенты, как только получают право быть правителями государства, сразу перестают бунтовать и стараются лишь охранять тот порядок, в котором они – правители и господа, а рабочие – рабы, осужденные на пожизненный ручной труд»³².

Он обрушивается на «социальную» или «социалистическую науку», новое средство обмана рабочих масс, для которых она остается недоступной, науку, которая конкретно служит лишь для того, чтобы обеспечить превосходство интеллигенции, которая только сама в состоянии понять ее тонкости.

Он упрекает материалистическую концепцию истории, в частности за то, что она отождествляет интересы угнетенных с интересами угнетателей, допуская совместные действия рабов и их хозяев, когда она ссылается на «сотрудничество», имевшее место при строительстве общества – гражданского в случае буржуазного общества, – интересы которого якобы являются общими для всех: «Надо решаться на то, чего Маркс никогда не сделал, надо отбросить всякую мысль о сплетении философии с пролетариатом,

надо отказаться от объективного обоснования абсолютного прогресса в истории, обоснования, к которому Маркс приступает с 1845-47 гг. Надо отказаться изобретать, на привязи у гегелевской философии, историческое, объективное, экономическое оправдание для всякой исторической эпохи [...] Надо признать, что в марксистском учении о производительных *нуждах общества*, о *производительных потребностях человечества* – заключен вовсе не *экономический материализм*, ибо эта материалистическая точка зрения не есть реальная классовая позиция рабочих масс, а старая утопическая точка зрения *единого общества, единого человечества*.

Объективная марксистская теория о производственных нуждах как базисе общества выстроена всецело на идеалистической почве, исходит из чисто идеалистических предпосылок, из идеалистической фикции, будто цивилизованное общество есть единая хозяйственная кооперация, невольное сотрудничество. То обстоятельство, что марксизм относит эту кооперацию, это сотрудничество, в разряд явлений бессознательного, происходящего исключительно в силу естественной необходимости, ничуть не затрагивает основной идеалистической предпосылки, и только поднимает ее до высоты исторического провиденциализма, который и заключен в этой теории в достаточной степени»³³.

Махайский выступает против попытки молодого Маркса соединить в одно целое немецкую философию и рабочее движение, при этом философия была бы головой, а рабочий класс – сердцем. Он не приемлет также его фаталистическую концепцию законов, действующих «независимо от воли людей», «слепых» исторических сил. Махайский отказывается считать, что деятельность некоторых классов, например, буржуазии, является «революционной» только под тем предлогом, что она имеет «прогрессивные» последствия. По его мнению, двигателем исторического развития является не диалектическое противоречие между развитием производственных сил и общественных отношений, а отношение между знанием и властью, между руководителями и исполнителями, между работниками умст-

венного и ручного труда, между элитой, независимо от критерия ее выделения, и массой. По его мнению, любую классовую борьбу предваряют именно эти антагонистические противоречия.

Эти взгляды Махайского, несмотря на его собственные возражения, в значительной мере сближают его с анархистами. В частности, он заявляет, что «уничтожение государства есть уничтожение векового грабежа»³⁴ и что рабочим все равно, какое правительство им противостоит, реакционное или прогрессивное, буржуазное или социалистическое, если от этого их положение не меняется.

Махайский включает крестьянство, чаще всего косвенно, реже, в некоторых местах, прямо, в свое определение пролетариата, тогда как для Маркса оно не является «социальным и историческим субъектом». Он включает туда также многократно обруганный люмпен-пролетариат, а рабочих-самоучек, вышедших из рядов пролетариата и перешедших по другую сторону баррикады, он считает привилегированными наемными работниками и интеллектуалами.

Между тем, его идеи пользуются некоторым успехом, и Л.Н. Сыркин, его официальный историограф в СССР, отмечает, что они имели большее влияние и распространение, чем это можно было предположить, основываясь на значительности групп, открыто их разделявших³⁵. Об этих группах известно немного, мы знаем только, что их деятельность часто выливалась в сотрудничество с анархистскими группами, и что они прибегали, как и большинство других революционеров, к прямым выступлениям против царизма и его приспешников, прежде чем их уничтожила волна репрессий 1906-1908 годов, или они сами прекратили свое существование во время общего отступления революционного движения, следовавшего за этими мрачными годами.

Идеи Махайского получили большее распространение на протяжении этих же лет, когда эсеровский публицист Евгений Лозинский в нескольких работах и в своем журнале продолжил его критику, направленную против интеллигенции, еще более агрессивную по тону и более «научную»,

не признавая при этом прямой связи со своим предшественником.

В 1907 году Махайский, скрываясь от преследований, покидает Россию и возвращается вначале в Швейцарию, а затем в Польшу, в Краков.

В 1908 году он выпускает в Женеве первый и единственный номер журнала *Рабочий заговор*, который он подготовил почти в одиночку. В нем он извлекает уроки из недавних событий в России. Справедливость его едких замечаний о цели буржуазной революции, которую проповедовали социал-демократы, и качество оценки их поведения нашли подтверждение в фактах. Он отмежевывается от «синдикалистов и анархистов», которые для него есть, «как они сами заявляют, такие же социалисты как все прочие, только более горячие»³⁶.

Махайский указывает также на радикальный потенциал, который несут в себе безработные и «хулиганы» из люмпен-пролетариата: «Социалисты и соц-д-ты в особенности совместно со всем буржуазным обществом стараются даже вскормить у лучше поставленных рабочих презрение к обездоленным, к босякам, к “люмпенпролетариатам”».

С развитием буржуазной жизни, с развитием профессиональных союзов появляется глубокая трещина между лучше оплачиваемыми и бедствующими рабочими слоями. [...] бедствующие слои рабочего класса не в состоянии урвать для составления профессиональной кассы ни копейки от своей нищенской платы и подвергаются всем ужасам безработицы. Они, конечно, всегда недовольны, всегда склонны к бунтам; но те, лучше устроенные рабочие, не понимают их отчаянного положения, рады собственной кое-какой обеспеченности, боятся потерять ее и таким образом обеспечивают буржуазии то, что ей надо – спокойствие государства»³⁷.

Махайский провел 1909-1911 гг. в Закопане, небольшом горном городке в Татрах, на польско-австрийской границе. Он зарабатывал на жизнь частными уроками, которые получил благодаря своему другу детства писателю Жеромскому³⁸.

После новых усложнений с властями он уезжает во Францию. Февральская революция 1917 года в России застала его в Париже, где он занимал скромную должность банковского служащего. Как только представилась возможность, он уезжает вместе с другими эмигрантами в Россию, заявив при этом: «Всегда и всюду, долой родину!»³⁹. Это был впечатляющий поступок со стороны поляка, который предпочел жить в России, а не в своей собственной стране, несмотря на традиционную неприязнь между этими двумя народами.

Махайский, как и многие другие радикально настроенные революционеры, одобрительно воспринял большевистский переворот октября 1917. Однако он не замедлил выступить против нерешительности новой власти в проведении полной экспроприации буржуазии и против постепенного обуздания рабочего класса. Он пишет об этом в первом и единственном номере журнала *Рабочая революция*, вышедшем в июле 1918 года (но подготовленном еще в апреле-мае).

После первых иллюзий он начинает понимать, что политика новых руководителей подтверждает все же его старые критические замечания в адрес социал-демократов и марксизма: «Социалисты, согласно своему религиозному учению, обязаны только “подготавливать” рабочих для будущего строя, подготавливать без конца, всюду и всегда, но не освобождать их немедленно, не низвергать буржуазию. И вот, в то время, как рабочих социалисты лишь “подготавливают”, интеллигенцию и буржуазные низы они доподлинно освобождают. Так царское самодержавие социалисты низвергали якобы для того, чтобы рабочие при демократической свободе могли воспитываться, организоваться, подготавливаться к социализму; интеллигенция же сразу получила в свои руки правительственную власть, государственную казну, все многочисленные местечки, которые были для нее недоступны при царских жандармах, генералах, бюрократах»⁴⁰.

Несмотря на установление «диктатуры пролетариата», большевики никоим образом не изменили своей классической концепции «подготовки» рабочего класса к тому, чтобы взять в собственные руки свои дела. Они обращаются

«к рабочим массам, полуграмотным и совсем безграмотным, остающимся на рабском пайке, в их неволе рабского ручного труда, обращаются, после победы над буржуазной властью, с пламенным призывом учиться искусству управлять государством и производством».

В результате всех этих «призывов к “самодетельности”» народилась... новая “народная” бюрократия. Конечно, не массы, осужденные на невежество и ручной труд, пошли управлять государством, а интеллигенты и полуинтеллигенты из рабочих; те “передовики”, которые раньше были революционерами, а после октябрьского переворота сделались государственными чиновниками. Массы могли лишь наклеить этой новой бюрократии ярлыки народных, рабочих комиссаров, депутатов и пр.»⁴¹.

«Подобным же образом левые коммунисты до сих пор восхищаются “прекрасным” лозунгом Ленина: “научить каждую кухарку управлять государством”. Но Ленина нечего заподозривать в преувеличении роли и значения “самодетельности” масс в “государственном строительстве”. Он красивыми лозунгами вовлек массы в большевистскую революцию, но еще до октября старательно объяснял, что задачей демократической самодетельности будет замена старой бюрократии новой, народной и рабочей. Таким образом, он имеет теперь полное право возмущаться “левым ребячеством” своих партийных товарищей, которые до сих пор не изучили в совершенстве акробатского искусства социал-демократии, умеющей, сообразно различным “объективным” моментам, то возвеличивать до небес “личную инициативу”, то строго ее карать.

[...] Экспроприация буржуазии допускается марксистами не в виде всеобщего захвата самими рабочими фабрик и заводов, а самое большее, в виде разрозненных национализаций, проводимых исключительно государством».

«Рабочим массам предстоит самим, вопреки усыпительям социалистам, поднять свою революцию. Рабочая революция идет дальше всех социалистических планов и задач. Освобождение рабочих, низвержение рабочей неволи, существующей испокон веков, есть дело покрупнее социализма. Социализм собирает силы для низвержения од-

них только капиталистов, но хочет заместить их классом наследственных белоручек, оставляющих в прежней неволе класс ручных рабочих и их потомство».

Махайский заканчивает, вновь подтверждая свое кредо: «Ленин настолько “истинный марксист”, до такой степени безгрешный и совершенный объективист, что в своем социалистическом строительстве старается осуществить лишь то, что уже создавала буржуазная экономика в передовых “культурных” странах»⁴².

В дополнение к этому в журнале он затрагивает важный вопрос о безработных, количество которых постоянно возрастало, вызывая тревогу рабочего класса, вопрос, который остался совершенно без внимания новой власти. Он предлагает создать организацию безработных, которая должна бороться за их одинаковые права с работающими.

Эти резкие критические выступления были, разумеется, отрицательно восприняты новым руководством, и журнал вынужден был прекратить свое существование. В последующем Махайский больше не выступал в печати. Состояние его здоровья ухудшилось. Он еле перебивался, работая техническим корректором в официальном журнале *Народная экономика*, вскоре переименованном в *Социалистическую экономику*⁴³. 19 февраля 1926 г. он скончался от инфаркта, смерть не дала ему стать вероятной жертвой «чисток» тридцатых годов.

В *Известиях* и *Правде* были напечатаны некрологи. Старый товарищ по тюремному заключению Шетлих посвятил ему краткую, исполненную уважением статью в *Известиях* от 34 февраля 1926 года, тогда как большая, на две колонки, статья Н. Батурина (Н. Замятина) в *Правде* от 2 марта того же года была направлена на опровержение идей Махайского. Если верить этой статье, его идеи затронули «самых отсталых» рабочих, «еще полукрестьянские их слои». Махайский якобы считал квалифицированных рабочих «привилегированными» и опирался якобы на «безработных, босяков и даже хулиганов». «Махаевщина», тем не менее, пользовалась некоторой известностью в крупных рабочих центрах и имела даже «мимолетный успех». Автор задавался вопросом, «в чем же был секрет этой «относи-

тельной живучести махаевщины и ее хотя бы мимолетных, но довольно длительных успехов?» (*sic!*). Он объяснял, что особый расцвет движения приходится на дореволюционные годы, на период самой жестокой реакции (1908-1912), что само по себе свидетельствует уже, по мнению автора, о «мародерском» характере этого успеха. Автор отмечал, что, несмотря на все, «нужно отдать справедливость махаевцам: как демагоги, они сумели нащупать самое больное место наших подпольных организаций. В своей травле социалистической интеллигенции они превосходно использовали те ненормальные отношения, которые существовали, например, между жестоко «законспирировавшимся», обыкновенно, интеллектуальным центром и рабочей периферией». Ошибки имели место даже внутри большевистской партии. Батурин цитирует по этому поводу критику Ленина, направленную против «комитетчиков». Статья заканчивалась туманным утверждением о слиянии махаевской «уродливости» с меньшевистской!

Другой звон колокола прозвучал в статье, напечатанной в журнале русских анархистов, нашедших пристанище в Париже, *Дело Труда*. Его главный редактор Петр Аршинов, рабочий и участник либертарного движения с 1904 года, с большой симпатией воздал должное памяти Махайского: «Еще на заре русского освободительного движения (в 1900–1905 гг.) Махайский предостерегал русский рабочий класс от веры в демократию, от так называемого “народовластия”, говоря, что за всеми этими лозунгами кроется посягательство новой господской группы на свободу и силу рабов ручного труда, и звал на борьбу за их кровные классовые интересы»⁴⁴.

Аршинов объясняет, что махаевские идеи не могли получить достаточное развитие в то время главным образом из-за всеобщей враждебности: «Причиной этому отчасти было то, что махаевщина восстановила против себя всю социалистическую мысль, весь агитационный аппарат социалистич. партии, которые с исключительной ненавистью травили каждое ее появление в рядах рабочего класса.

Отголосок этой ненависти до сих пор живет среди социалистических партий».

Аршинов определяет также различия между анархизмом и Махайским: Махайский, несомненно, в значительной мере черпал в анархизме свое начальное вдохновение в борьбе против социал-демократии и пришел к отрицанию всякой идеологии, тогда как анархизм отстаивает собственную идеологию, социал-революционную, выработанную в ежедневной борьбе против капитала. Тем не менее, опыт большевиков полностью подтвердил теорию Махайского о господствующем и эксплуататорском характере современного государства. «Главной заслугой этого движения является крайнее заострение принципов пролетарской классовой борьбы, ревнивое охранение чистоты этих принципов и беспощадное разоблачение всего того, что таило в себе ту или иную фальшь в отношении трудящихся».

По мнению Аршинова, махаевщина этими своими сторонами была тесно связана с революционным анархистским движением.

Ознакомив читателя с жизнью и творчеством Махайского, определим место его идей в ближайшем историческом и теоретическом контексте, а затем рассмотрим их дальнейшую судьбу.

Надо отметить сначала, что образованный класс в целом всегда составлял духовную опору господствующей власти. Его представители всегда были одновременно усердными шутами, преданными счетоводами и раболепными писателями сильных мира сего. Напомним высказывание Бэкона по поводу могущества идей: «Знание – сила» и известную поговорку: «Всякий сам себе лучший слуга». Концепция правящей элиты, опирающейся на знание, не является новой, она существует с незапамятных времен и связана с обществами эзотерического и религиозного типа. Концепция же элиты, связанной с промышленным развитием, напротив, восходит к истокам социализма XIX века, точнее, к учению отца-основателя индустриального социализма Сен-Симона. Осуждая разрушительный период наполеоновских войн, а также полное «невмешательство и попустительство» либеральной экономики, представлен-

ной в особенности Адамом Смитом, Сен-Симон предлагал заменить войну, отрицательный двигатель социальных конфликтов, устанавливавшую власть силы, «составляющей, которая все разлагает и своей аморальностью сеет отчаяние», на новую деятельность, основанную на промышленности, факторе мирного продвижения к общему благосостоянию общества. На смену командованию у него приходит управление, иерархия устанавливается не по наследству, а только по способности лучше производить, критерий общественной полезности становится законом, поскольку «общественный порядок должен иметь сегодня единственный, прямой и постоянный объект – воздействие человека на предметы»⁴⁵.

Отсюда следует, что новая власть должна подразделяться на духовную, доверяемую исключительно «художникам, ученым и ремесленникам, единственным обладателям положительных способностей к полезной административной деятельности» и на власть земную, осуществляемую руководителями промышленности, «настоящими руководителями народа, поскольку именно они им командуют в его ежедневной трудовой деятельности»⁴⁶. Эти новые ответственные лица должны занять место прежних привилегированных – аристократов, священников, военных и законодателей – и создать новый правящий класс, полезная роль которого должна согласовываться с развитием знаний и организации общества.

Ученики Сен-Симона распространили и расширили его учение и способствовали, в числе других, расцвету промышленного капитализма. «Земли, цеха, капиталы и т. д. могут быть использованы с наибольшей выгодой для производства при условии, что они будут доверены рукам, наиболее способным извлечь из них пользу, или другими словами, людям, способным к промышленному производству»⁴⁷.

Следующая цитата позволяет лучше представить себе, в какой мере идеал сенсимонистов мог оказать влияние на содержание социализма:

«Давайте перенесемся в новый мир. В нем не владельцы, не капиталисты, оторванные, чуждые с непривычки к

промышленной работе, будут определять выбор предприятий и судьбу трудящихся. Эти функции, так плохо выполняемые сегодня, будут возложены на специальное социальное учреждение. Оно должно стать средоточием всех средств производства, оно должно распоряжаться любым использованием материальных ресурсов. Тем самым, оно оказывается способным видеть картину в целом, что позволяет замечать одновременно все части промышленного производства. Благодаря своим разветвлениям оно поддерживает связь со всеми местностями, со всеми отраслями промышленности, со всеми трудящимися. Оно может, таким образом, осознавать общие и индивидуальные потребности, перебрасывать рабочие руки и инструменты туда, где в этом чувствуется необходимость, одним словом, руководить производством, привести его в соответствие с потреблением и доверить орудия труда самым достойным промышленникам, поскольку оно непрестанно стремится распознать их способности и находится в наилучшей позиции, чтобы их развивать.

Короче говоря, промышленность организована, все идет своим чередом, все предусмотрено: разделение труда улучшено, сочетание усилий с каждым днем становится все более мощным»⁴⁸.

Те, кто «регулирует выбор предприятий и судьбу трудящихся», являются «щедрыми людьми, функция которых состоит в том, чтобы указать каждому место, занять которое – самое главное для него самого и для других»⁴⁹. Эти «компетентные руководители» обладают «высшими способностями, дающими общее виденье, свободное от преград узкой специальности». Эта способность будет производной от личной заслуги, и это станет «новым, передаваемым по наследству правом собственности, но передаваемым так же, как передается знание»⁵⁰.

Два главных ученика и пропагандиста идей Сен-Симона Базар и Анфантэн верили в «естественное неравенство людей» и рассматривали его даже как «необходимое условие социального прогресса». Так, они проповедовали, что в «будущем каждый будет занимать место в соответствии со своими способностями, и получать вознаграждение по

труду»⁵¹, формулировка, которая стала пробным камнем для грядущего социализма.

Социализм всегда лелеял радостную мечту уничтожить бедность, «царство нужды», порабощение материальными заботами. Это было – и остается – главной причиной его успеха на арене борьбы идей. Это преодоление экономического, а, следовательно, всякого отчуждения в соответствии с социалистическими заповедями должно осуществляться, разумеется, при посредничестве «полномочных» представителей «самого многочисленного и самого бедного класса», по устоявшемуся выражению Сен-Симона, которое используется для обозначения пролетариата. Это стремление повысить производительность в промышленности полностью перешло в учение Маркса и оказало определяющее влияние на его концепцию «научного социализма». Здесь важно уточнить, что обозначал термин «марксизм» в то время, когда Махайский выступил с его критикой. Этот термин относился к учению, сформулированному в опубликованных прижизненно трудах Маркса, а также к его опыту борьбы в составе немецких организаций, в 1848-1850 годах, а затем в рамках Первого Интернационала. Именно это составило основу доктрины, которая остается таковой еще и сейчас для многих «марксистов». С тех пор были обнаружены некоторые, не издававшиеся ранее, тексты Маркса, приоткрывшие другие мысли, часто противоречащие принятой ранее общей концепции⁵². К сожалению, однако, эта сторона Маркса, которая была представлена как более близкая к настоящей его личности, открылась только в набросках и черновиках, которые автор не считал нужным опубликовать в свое время, но которые, вне всякого сомнения, изменили бы в какой-то мере официальное догматическое представление о нем. Это обстоятельство в значительной степени ограничивает важность этих посмертно опубликованных произведений, которые, как бы там ни было, могут рассматриваться лишь в качестве «неофициального завещания».

Необходимо также отметить трудность попыток возложить на Маркса «отцовство» всего неопределенного множества «марксизмов», которые ссылались на него в про-

шлом и продолжают ссылаться в настоящее время.

Если зачастую марксизм, таким образом, превращался в господствующую идеологию, это становилось возможным благодаря его эсхатологическому характеру, из-за которого он стал настоящей светской религией, с неизбежно порождаемыми ею проявлениями фанатизма и ереси. Это обстоятельство в совокупности с внутренними противоречиями позволило различным наследникам найти в нем одновременно и общий источник и причины для взаимной ненависти.

В таком понимании марксизм был и остается по-прежнему редким, исключительно застойным историческим моментом. Маркс мог бы очень кстати принять на свой счет известную метафору Гейне: «Моя беда в том, что я заседал поле драконами, а собрал только блох».

Что касается самого Маркса, двусмысленность его собственного отношения с «марксизмом» – были ли предложенные им анализы просто рабочими гипотезами, «общей линией», или же вечными истинами и нерушимыми историческими законами – отражает, на наш взгляд, двусмысленность, свойственную его времени.

Если существует возможность и желание определить его в этих рамках, принимая во внимание оказанное на него влияние других социалистических мыслителей, это следует сделать в тесном соотношении с социалистами XIX века, рассматриваемыми глобально, не разделяя их на «утопистов» и «научных социалистов»⁵³.

Как бы там ни было, силовые линии, на которые опирался социализм во времена Махайского, могут быть вкратце изложены следующим образом:

– он предлагал в качестве окончательной цели установление коммунистического общества, как решение проблемы экономического отчуждения человека, источника всех социальных неравенств;

– исторической причиной, обусловившей эту цель, было неизбежное поражение капиталистического общества в попытках овладеть растущим развитием производственных сил, преобразующим общественные производственные отношения;

– пролетариат является единственным классом, способным завершить это развитие; именно на него возложена миссия освобождения всего общества;

– в качестве средства достижения цели предлагалось способствовать этому развитию до тех пор, пока капитализм сам не станет жертвой собственных противоречий, и политически воспитывать класс, призванный придти ему на смену, вначале путем завоевания демократии, впоследствии путем завоевания политической власти⁵⁴.

После принятия этих основных положений весь вопрос состоял в том, чтобы знать, способен ли пролетариат выполнить самостоятельно такую важную историческую миссию. Сможет ли он также своими собственными силами воспитать себя, участвуя в капиталистическом производстве, достичь достаточной зрелости, чтобы в нужный момент взять в свои руки бразды правления и осуществлять свою гегемонию, свое классовое господство?

Уже Маркс обращал внимание на роль коммунистов, «на практике являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, [...] а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий хода и общих результатов пролетарского движения»⁵⁵.

Более того, по мнению Маркса, «теперь часть буржуазии переходит к пролетариату, именно – часть буржуа-идеологов, которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического движения»⁵⁶. Пролетариат, таким образом, получал хорошее подкрепление для осуществления своей сложной миссии.

Именно в этих условиях марксизм выглядел не только как защита и прославление капиталистического способа производства, но и как новаторская идеология, гармонически вписывающаяся в расцвет буржуазного общества, прежде чем стать его наследницей, поскольку это общество ожидали муки скорой агонии.

Предусмотренное Марксом «подкрепление» делу пролетариата принималось далеко не единодушно в то время. Например, на Женевском съезде Первого Интернациона-

ла (3-8 сентября 1866) французская делегация, в состав которой входили среди других Малон, Варлен и Фрибург, предложила исключить из Интернационала «работников умственного труда» и рассматривать в качестве пролетариев только рабочих физического труда, для того, чтобы избежать скрытой в этом опасности захвата Интернационала честолюбцами, партийцами, пожелавшими превратить его в инструмент достижения своей собственной цели, чуждой для всего объединения. Немецкие делегаты возражали, заявив, что это было бы каким-то «осуждением науки», как будто рабочие ее недостойны и не в состоянии ее оценить.

Французское предложение, в конечном счете, было отклонено, тогда французы выдвинули другое предложение, требуя, чтобы, по крайней мере, право избираться в состав делегации на съезд Международной Ассоциации Трудящихся (МАТ) оставалось только за рабочими, опасаясь, как бы представители либеральных профессий или даже капиталисты на съездах не смогли навязывать идеи, противоположные интересам рабочего класса.

На съезде Толэн высказался даже за то, чтобы считать противниками всех, кто принадлежит к привилегированным классам по признаку наличия капитала или диплома (прямой намек на Ф.Энгельса и К.Маркса)⁵⁷.

В 1872 году, некоторое время спустя после съезда в Гааге, Франко-швейцарский комитет из Женевы в письме, адресованном совету Британской федерации, обрушился с резкими нападками на прежний Лондонский генеральный совет, и, по словам Маркса (письмо Соржу от 27 сентября 1873), зашел даже «дальше, чем представители Юрской федерации», требуя исключения «так называемых работников умственного труда» из МАТ.

Напомним также лозунг МАТ: «Освобождение трудящихся станет делом рук самих трудящихся».

Выступление Махайского приобретает, таким образом, особую рельефность и полностью продолжает эту тенденцию «физического труда». Кроме того, следует особо отметить, что он, должно быть, хорошо ознакомился за время сибирской ссылки с трудами Бакунина. Его критика

марксизма и социал-демократии опирается, вне всякого сомнения, на критические оценки Бакунина. По этой причине здесь уместно напомнить сущность критических выступлений последнего.

Бакунин обрушивается главным образом на политические концепции Маркса, а именно на цель завоевания политической власти, возведенную в ранг «великой задачи трудящихся классов» и «великого долга пролетариата»⁵⁸, и на принцип становления пролетариата как правящего класса, который, по мнению Бакунина, ведет к концентрации всех средств производства в руках государства, находящегося в действительности под контролем «ученого» меньшинства: «В народном государстве г-на Маркса, говорят нам, не будет привилегированного класса. Все будут равны не только с юридической и политической точки зрения, но и с экономической. По крайней мере, это нам обещают, хотя я очень сомневаюсь, судя по тому, как за это берутся, и по пути, которым хотят следовать, что когда-либо удастся выполнить это обещание. Таким образом, больше не будет класса, а правительство, и обратите на это внимание, правительство чрезмерно сложное, которое не ограничится политическим руководством и управлением массами, как это делают сегодня все правительства, а будет еще и управлять ими, сосредоточив в своих руках производство и *справедливое* распределение богатств, обработку земли, создание и развитие фабрик, организацию торговли и руководство ею, и наконец, использование капитала в производстве единственным банкиром – государством. Все это потребует огромной учености и многих переполненных мозгами голов в этом правительстве. Это будет царство *научной интеллигенции*, самый аристократический, самый деспотический, самый высокомерный и самый презрительный из всех строев. Появится новый класс, новая иерархия настоящих и мнимых ученых, и мир разделится на меньшинство, господствующее во имя науки, и огромное неграмотное меньшинство. И тогда, берегись неграмотная масса!

Такой строй непременно вызовет серьезные проявления недовольства этой массы, и для того, чтобы ее сдер-

жать, просвещенному и свободному правительству г-на Маркса потребуются не менее серьезная вооруженная сила»⁵⁹.

Это предостерегающее видение было изложено не просто в одном отдельно взятом отрывке из бакунинских трудов, оно является краеугольным камнем антигосударственных взглядов русского революционера, изложенных со свойственной ему пронизательностью в его основном труде *Государственность и Анархия*: «В настоящее время серьезное, сильное государство может иметь только одно прочное основание – военную и бюрократическую централизацию. Между монархией и самой демократической республикой существует только одно существенное различие: в первой чиновный мир притесняет и грабит народ для вящей пользы привилегированных, имущих классов, а также и своих собственных карманов, во имя монарха; в республике же он будет точно так же теснить и грабить народ для тех же карманов и классов, только уже во имя народной воли. В республике мнимый народ, народ легальный, будто бы представляемый государством, душит и будет душить народ живой и действительный. Но народу отнюдь не будет легче, если палка, которою его будут бить, будет называться палкою народной. [...] никакое государство, как бы демократичны ни были его формы, хотя бы самая красная политическая республика, народная только в смысле лжи, известной под именем народного представительства, не в силах дать народу того, что ему надо, т. е. вольной организации своих интересов снизу вверх, без всякого вмешательства, опеки, насилия сверху, потому что всякое государство, даже самое республиканское и самое демократическое, даже мнимо-народное государство, задуманное г. Марксом, в сущности своей не представляет ничего иного, как управление массами сверху/вниз, посредством интеллигентного и по этому самому привилегированного меньшинства, будто бы лучше разумеющего настоящие интересы народа, чем сам народ»⁶⁰.

В свете исторического опыта можно убедиться в верности этого анализа государства, даже «рабочего», каким бы «красным» оно ни было, находящегося под властью

«ученого меньшинства», якобы лучше понимающего «настоящие интересы народа, чем сам этот народ».

Самое интересное состоит в том, что с недавних пор можно ознакомиться с рукописными аннотациями Маркса, касающимися значительного отрывка из книги *Государственность и Анархия*. Известно, что Маркс проявлял самый живой интерес к России, что он даже выучил русский язык, чтобы иметь лучший доступ к документам. Эти заметки были написаны около 1874–1875 года, после известного раскола в Первом Интернационале.

Известно, что в это время Маркс был до такой степени плохо расположен по отношению к Бакунину, что возможно даже искажал некоторые его взгляды. Разве что сам их двусмысленный и противоречивый характер был уже достаточным показателем так называемого «марксизма».

На вопрос Бакунина: «Спрашивается, если пролетариат будет господствующим сословием, то над кем он будет господствовать? Значит останется еще другой пролетариат, который будет подчинен этому новому господству, новому государству. Напр., хотя бы крестьянская чернь, как известно не пользующаяся благорасположением марксистов, и которая, находясь на низшей ступени культуры, будет, вероятно, управляться городским и фабричным пролетариатом; или, если взглянуть с национальной точки зрения на этот вопрос, то, положим, для немцев славяне, по той же причине, станут к победоносному немецкому пролетариату в такое рабское подчинение, в каком последний находится по отношению к своей буржуазии.

Если есть государство, то непременно есть господство, следовательно и рабство; государство без рабства, открытого или маскированного, немислимо, – вот почему мы враги государства.

Что значит пролетариат, возведенный в господствующее сословие?»⁶¹.

Маркс отвечает: «Это значит, что покуда существуют еще другие классы, в особенности класс капиталистический, покуда пролетариат с ним борется (ибо с приходом его к власти не исчезают еще его враги, не исчезает старый общественный строй), он должен применять средства на-

сила, так как насилие – средство для управления; если он сам еще остается классом и если не исчезли еще экономические условия, на которых покоится классовая борьба, т. е. существование классов, они должны насильственно быть устранены и преобразованы, процесс их преобразования должен быть насильственно ускорен»⁶².

Каковы были эти «средства насилия, правления», которые имел в виду Маркс? Что это было за насилие, которое должно устранить или преобразовать «экономические условия» и ускорить процесс преобразования?

Его определение концепции социальной революции соответствует классическому «марсистскому» принципу: «Радикальная социальная революция связана с известными историческими условиями экономического развития; последнее является ее предпосылкой. Поэтому она возможна только тогда, когда при капиталистическом производстве промышленный пролетариат занимает, по меньшей мере, значительное место в народной массе». Критикуя Бакунина, он подтверждает, что именно экономические условия, а не «воля» являются основой этой социальной революции. Это противоречит и даже подрывает ленинскую концепцию захвата и удержания власти, невзирая на экономическое положение, лишь бы это было делом «пролетарской» партии.

Маркс продолжает свой поучительный комментарий: «...весь пролетариат в целом будет стоять у кормила власти? Неужели, например, в профессиональном союзе (трэд-юнионе) весь союз составляет исполнительный комитет? Неужели исчезает всякое разделение труда на заводе, а вместе с тем и различные функции, отсюда вытекающие? А при бакунинском образовании “снизу вверх” неужели все будет “вверху”? Тогда ведь не будет никакого “внизу”. Неужели все члены общины будут сообща ведать общими интересами “области”? Тогда не будет никакого различия между общиной и “областью”».

С тех пор было замечено, что не только «исполнительный комитет профсоюза», и тем более «пролетарской» партии может представлять всех своих членов, решая за них абсолютно все, но он может воплощаться в одном «вы-

дающемся» члене, составляющем сам по себе «верх», тогда как «низ» остается бессильным.

Слепота Маркса относительно привилегированной роли, которую будет играть бюрократическое и социалистическое меньшинство в рамках государства, поразительна. Она проступает с еще большей очевидностью в его комментарии по поводу следующей мысли Бакунина: «Эта дилемма в теории марксистов решается просто. Под управлением народным они разумеют управление народа посредством небольшого числа представителей, избранных народом. Всеобщее и поголовное право избирательства целым народом так называемых народных представителей и правителей государства – вот последнее слово марксистов, так же, как и демократической школы, – ложь, за которую кроется деспотизм управляющего меньшинства, тем более опасная, что она является как выражение мнимой народной воли.

Итак, с какой точки зрения не смотри на этот вопрос, все приходишь к тому же самому печальному результату: к управлению огромного большинства народных масс привилегированным меньшинством. Но это меньшинство, говорят марксисты, будет состоять из работников. Да, пожалуй, из бывших работников, но которые лишь только сделаются правителями или представителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной; будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом. Кто может усомниться в этом, тот совсем не знаком с природою человека.

Но эти избранные будут горячо убежденные и к тому же ученые социалисты. – Слова “ученый социалист”, “научный социализм”, которые беспрестанно встречаются в сочинениях и речах лассальцев и марксистов, сами собою доказывают, что мнимое народное государство будет ничто иное, как весьма деспотическое управление народных масс новою и весьма немногочисленною аристократиею действительных или мнимых ученых. Народ не учен, значит, он целиком будет освобожден от забот управления, целиком будет включен в управляемое стадо. Хорошо освобождение!

Марксисты чувствуют это противоречие и, сознавая, что управление ученых самое тяжелое, обидное и презрительное в мире, будет, несмотря на все демократические формы, настоящею диктатурою, утешают мыслью, что эта диктатура будет временная и короткая. Они говорят, что единственною заботою и целью ее будет образовать и поднять народ как экономически, так и политически до такой степени, что всякое управление сделается вскоре ненужным, и государство, утратив весь политический, т. е. господствующий характер, обратится само собою в совершенно свободную организацию экономических интересов и общин.

Тут явное противоречие. Если их господство будет действительно народное, то зачем ему упраздниться, если же его упразднение необходимо для действительного освобождения народа, то как же они смеют его называть народным? Своею полемикою против них мы довели до их сознания, что свобода или анархия, т. е. вольная организация рабочих масс снизу вверх, есть окончательная цель общественного развития, и что всякое государство, не исключая и их народного, есть ярмо, значит с одной стороны порождает деспотизм, а с другой рабство»⁶³.

Маркс отвечает ему шуткой: рабочие «перестанут быть рабочими столь же мало, как ныне фабрикант перестает быть капиталистом потому, что он гласный думы».

Затем Маркс продолжает по поводу того же отрывка: «Если бы господин Бакунин был знаком хотя бы с положением управляющего рабочим кооперативом, все его великопные мечты пошли бы к черту. Он должен был бы себя спросить: какую форму могут принять административные функции на основе этого рабочего государства, если ему угодно его так называть?».

Когда Бакунин называет «правительственное руководство ученых» самым «тяжелым, самым деспотическим и самым презренным из всех возможных», Маркс замечает: «Какие бредни!». Он явно остается «глухим» и отказывается допустить какую-либо возможность бюрократического и диктаторского вырождения со стороны «пролетарских» и «социалистических» руководителей и, тем более, меньшинства, выступающего от имени пролетариев и занимаю-

щего политические посты в государственных органах и рабочих кооперативах. Как это ни удивительно, но коррупция властью кажется ему затмением, «господским бредом».

Маркс продолжает свой монолог глухого и тогда, когда Бакунин задается вопросом о возможности временного характера этой диктатуры «правительственного руководства ученых»: «(поп мон чер! это значит только, что классовое господство рабочих над сопротивляющимися им пережитками старого мира будет длиться лишь до тех пор, пока не разрушены экономические основы классового существования». При таком подходе остается возможность для всяческих извращенных интерпретаций и поддерживается двусмысленность природы этого «классового господства». Тем более, что Маркс заканчивает свой комментарий самым что ни есть двусмысленным выражением, называя «вздором» бакунинскую «свободную организацию рабочих масс снизу вверх».

Такое «марксистское» отношение может только посеять самые большие сомнения по поводу классовой природы диктатуры «пролетариата», ее продолжительности, а также по поводу возможного в последующем отмирания «рабочего» государства.

Нельзя отрицать окончательное желание Маркса покончить с пролетарским состоянием, но правомерно задать себе вопрос, не стал ли он пленником своего антагонистического противопоставления капиталисты–рабочие, не сумев принять во внимание третью общественную силу, которая могла бы попытаться использовать его идеологию в своих собственных интересах. Или же, быть может, Маркс так хорошо усвоил мессианство своих предшественников социалистов-утопистов, что руководящая роль «тех, кто знает» – тех, кого Бакунин называет «научная интеллигенция» (имея в виду самого Маркса), – для него совершенно естественна: только те, кто способен понять научный социализм, могут быть достаточно «компетентными», чтобы повести пролетариат и все человечество по пути коммунизма. Наподобие государства их ведущая роль «отомрет» только в неопределенном будущем, когда будет уничтожено различие между умственным и физическим трудом. Теперь

становится понятным, почему Маркс отказывается давать рецепты, «как довести до кипения котелок будущего».

Бакунин сформулировал самую «сердцевину» критики, направленной против Маркса, и более чем вероятно, что Махайский подспудно ссылается на нее. Также весьма вероятно, что он ознакомился с критикой Кропоткина, содержащейся в его работе *Хлеб и Воля* (1892).

«Чтобы сохранить ее (систему *наемного труда* – А.С.), современные владельцы капитала “готовы” пойти на некоторые уступки, готовы поделить с рабочими часть прибыли или же устроить подвижную шкалу заработной платы так, чтобы плата рабочего поднималась, когда поднимается доход предприятия. Одним словом, они готовы согласиться на некоторые “жертвы”, лишь бы только им оставили право управлять промышленностью и получать с нее доход.

Коллективизм, как известно, вносит в этот порядок существенные изменения, но сохраняет, однако, наемный труд. Только на место частного хозяина становится государство, т. е. выборное правительство – для всей нации или городское. Во главе управления промышленностью становятся депутаты – представители нации или города и их уполномоченные – и их чиновники. Они же оставляют за собою и право расходовать в интересах всех получаемую прибыль. Кроме того, в этой системе коллективизма устанавливается очень тонкое различие между трудом чернорабочего и трудом человека, прошедшего через предварительное обучение: труд первого представляет собою, с точки зрения коллективиста, труд *простой*, тогда как ремесленник, инженер, ученый и т. п. занимаются трудом, который коллективисты называют трудом *сложным*, и поэтому имеют право на более высокую заработную плату. Но все они – чернорабочие и инженеры, ткачи и ученые – наемники государства, “все они чиновники”, как сказал недавно один из коллективистов, чтобы позолотить пилюлю», и предшествуя Махайскому: «Образование становится привилегией ничтожного меньшинства. Можно ли, в самом деле, говорить об образовании для всех, если сын рабочего должен в тринадцать лет уже спускаться в рудники или помогать отцу в полевых работах! Можно ли говорить

об учении рабочему, который возвращается домой вечером, разбитый целым днем каторжного, почти всегда отупляющего труда.

Общество делится, таким образом, на два враждебных лагеря, и свобода становится пустым звуком. Радикал, который требует большего расширения политических вольностей, скоро замечает, что свободный дух ведет к пробуждению рабочих; и тогда он обращается вспять, бросает свои радикальные убеждения и заодно с «охранителями» требует исключительных кар против рабочих и – военной диктатуры.

Для поддержания существующих привилегий требуется, наконец, целый обширный состав судей, прокуроров, жандармов и тюремщиков, а все это становится в свою очередь источником целой системы доносов, обманов, подкупов и всевозможных подлостей».

Кропоткин напоминает затем одну истину, хоть и простую, но очень актуальную: «Самая большая услуга, которую будущая революция сможет оказать человечеству, будет заключаться именно в том, чтобы создать такое положение вещей, где всякая форма наемного труда станет невозможной и неосуществимой и где единственным подходящим решением вопроса явится коммунизм, т. е. именно отсутствие наемного труда»⁶⁴.

Таким образом, мы видели, что критика Махайского не была чем-то целиком новым, однако его заслуга состоит в том, что он углубил ее в области экономики, в которой Маркс имел превосходство. Впрочем, некоторые марксисты того времени, и притом не последние, пытались заделывать некоторые щели в общем здании. Попытка, предпринятая Розой Люксембург в *Накоплении капитала*, с этой точки зрения представляется нам наиболее интересной, в особенности, когда она оставляет избитые пути и ставит вопрос о реализации накопленной прибавочной стоимости вне отношения наемные рабочие – капиталисты. Разумеется, ее отвага на этом заканчивается, а ее «третий путь» ведет ее только к некапиталистическим секторам мирового рынка и к открытию империалистической стратегии капитализма.

С тех пор было пролито много чернил, что не привело, однако, к действительному продвижению вперед в решении проблемы. Напомним по этому поводу, что проведенный Марксом анализ разницы в оплате между простым физическим и сложным интеллектуальным трудом составляет часть общего наследия социализма XIX века. Действительно, оценка труда как среднего, полезного, необходимого, приятного, квалифицированного была объектом постоянного интереса для Оуэна, Фурье, Родбертуса и других мыслителей того времени. Критерии качественной и количественной оценки были очень разными. С тех пор стало ясно, что это очень скользкий путь, и на нем может легко занести от «права на труд» Луи Блана до тейлоровской потогонной системы оплаты труда, или до ее карикатурного варианта – печально известной сталинской стахановщины. Все это было прямо противоположно цели положить конец экономическому отчуждению рабочего.

Данное Марксом определение стоимости рабочей силы, которая равна «стоимости жизненных средств, необходимых для поддержания жизни ее владельца»⁶⁵, позволяло уже оправдать неравенство в оплате труда и подтверждало тезис Махайского. Высказывание Сен-Симона, всегда служившее лейтмотивом для «научных» социалистов: «От каждого по способностям, каждому по труду», также дает почву для толкований разного рода и может использоваться для оправдания самой вопиющей несправедливости⁶⁶.

Вопрос в целом является составной частью сложной «дискуссии о Марксе», основные положения которой выделены Максимилианом Рюбелем:

- «1) Теория стоимости труда.
- 2) Понятие социально необходимого труда.
- 3) Сведение сложного труда к простому и среднему.
- 4) Исторический характер экономических категорий.
- 5) «Фетишизация» товара и денег.
- 6) Овеществление человека.
- 7) Определение средств денежного обращения на основе цен товаров.
- 8) Теория прибавочной стоимости»⁶⁷.

Махайский внес решающий вклад в эту дискуссию, вклад, который, к сожалению, долгое время оставался неизвестным. Но главное состоит не в том, чтобы вдаваться в громоздкие и бесплодные толкования ошибочных, устаревших или спорных экономических концепций. Сегодня, по большому счету, не важно, ошибался ли Маркс: это касается не только его. Главное значение вклада Махайского состоит в том, что он затрагивает само определение и цель социализма в рамках индустриального или ставшего на путь индустриализации общества. Социализм предстает у него как идеология, представляющая наилучшим образом интересы нового господствующего и восходящего класса: «капиталистов знания».

В свое время Карл Каутский (1854–1938) очень хорошо осознал этот феномен, но из-за своих окостеневших схоластических взглядов он не смог различить его классовую сущность. В одном известном труде – *Интеллигенция и социал-демократия*, послужившем, впрочем, источником противоречивого вдохновения для Махайского, Каутский ставит проблему интеллигенции и ее отношений с рабочим классом. Он ссылается на высказывание Маркса: «буржуа-идеологи, которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического развития», а также на тот факт, что основатели научного социализма Маркс, Энгельс и Лассаль принадлежали к этому классу, для того, чтобы подтвердить законность своего присутствия в социалистической демократии. По его словам, «воззрение, что дело наемных рабочих может быть отстаиваемо, как следует, исключительно только самими наемными рабочими, – является воззрением самой отсталой части пролетариата»⁶⁸, или же некоторых недовольных, самих вышедших из среды интеллигенции и чувствующих потребность «погрозыть мускулистым кулаком пролетария». Далее он пишет, что все «благоразумные люди в партии» согласны с тем, чтобы «дать представителям умственного труда возможность вести существование, соответствующее не пролетарскому, а скромному буржуазному (bürgerliche) образу жизни». Благими намерениями вымощен путь в ад.

Он напоминает, что умственный труд всегда был делом привилегированных, но в настоящее время происходят как раз изменения: «Умственный труд делается функцией особого класса, обыкновенно непосредственно не заинтересованного в капиталистической эксплуатации, – так называемой интеллигенции, добывающей себе средства жизни посредством применения своих особых знаний и способностей».

Этот класс, существующий при простом товарном производстве лишь в зачаточном состоянии, быстро развивается в капиталистическом обществе. К нему не только все более и более переходит духовная деятельность, которую до того времени занимались сами эксплуататоры, но для него открываются изо дня в день совершенно новые области труда».

Капитализм ставит на место ремесел крупную промышленность и создает необходимые ей многочисленные рабочие места для инженеров, предпринимателей, директоров и т. д. Развиваются также функции государства, порождая быстрое увеличение количества бюрократов. В области общественной жизни возрастает число журналистов, адвокатов и людей искусства. Речь идет о привлечении не всего этого класса на сторону пролетариата, а лишь отдельных его членов, убедив их «в развитии понимания исторической необходимости идеала борющегося пролетариата и неизбежности его победы». Это следует сделать, тем более что «в областях мышления нейтральных по отношению к классовым интересам большая сила ума безусловно обозначает и большую способность открыть истину». Хотя Каутский из предосторожности предупреждает, что «сообразно с меняющимися классовыми интересами, в такой же степени (она может) означать большую способность затушевать истину, обмануть себя и других, как и открыть эту последнюю и служить ее пропаганде», он путается в собственных противоречиях. Этим хорошо воспользовался Махайский. Таким образом, чтобы обнаружить бескорыстную истину, «интеллигенция не заинтересована непосредственно в успехах пролетариата. Но, с другой стороны, она не

имеет непосредственного интереса и в капиталистической эксплуатации».

Бумага все терпит: это выходит за пределы понимания! Интеллигенция должна питаться исключительно возвышенным воздухом «истины», подальше от классовой борьбы! Затруднительное положение, в котором оказался Каутский, подтолкнуло его все-таки к большему реализму, и он признал, что «конечно, немало интеллигентов обязаны защищать эту эксплуатацию. Целый ряд интеллигентных профессий, кроме всего прочего, отличается от пролетариата еще и тем, что их рабочая сила имеет цену для буржуа лишь в том случае, если с ней связан и определенный образ мыслей». Среди прочего, он очень своевременно напоминает: «[...] и прямой их задачей является защита и оправдание существующего строя. За это они и оплачиваются». «[...] Наконец, мы должны помнить, что интеллигенция, как класс привилегированный, должна иметь естественное нерасположение к пролетариату, враждебному всякого рода привилегиям», и таким образом «тогда нам станет понятно, что масса интеллигенции, не будучи способной отнестись беспристрастно к классовой борьбе капиталистов с пролетариатом, более склоняется в сторону первых». Тем не менее, она стремится к тому, чтобы эксплуатация сдерживалась и ограничивалась формами: «Не заинтересованная непосредственно в эксплуатации, интеллигенция требует ее ограничения и также изменения ее характера, при котором она действовала бы менее революционно и разрушительно. Она настаивает на этом, как на единственном средстве спасти существующий строй, воспрепятствовать победе пролетариата». Суть дела становится более ясной: перед лицом угрозы пролетариата с «мозолистыми руками» становится «все более необходимым ограничить власть класса капиталистов в интересах общества, хотя и буржуазного. Все очевидней становится безусловная необходимость в интересах культуры да и безопасности самих господствующих классов – удовлетворить, по крайней мере, ближайшие требования пролетариата. И чем могущественнее делается пролетариат, тем опаснее становится не удовлетворять его самые справед-

ливые требования». Чтобы отразить эту «варварскую» опасность, Каутский находит замечательное средство: «для рабочих “кое-что” нужно сделать». Это кое-что для него состояло в «нападках на капитал и симпатии к пролетариату». Короче говоря: не гони коня кнутом, а гони его овсом. Тогда стало «модным» заявлять: «мы все ведь теперь социалисты». Круг замкнулся. Каутский, как наследник отцов-основателей «научного социализма», на идеях которого, об этом не следует забывать, вскормлен Ленин и целое поколение социал-демократического движения, сумел ясно изложить суть вопроса. Перед угрозой потери своих привилегий представители интеллигенции, извлекающей выгоду из капиталистической эксплуатации, заинтересованы в том, чтобы защитить себя от социального взрыва и слиться с «социал-демократией». Чтобы убедиться в этом, достаточно последнего диалектического пируэта: растущей пролетаризации широких слоев интеллигенции. Она уже сама по себе позволяет интеллигенции иметь опору в каждом лагере. Так надежнее. Каутский нашел быстрый отголосок в России у социалдемократа П.Аксельрода, в 1893 г., в брошюре *Задачи рабочей интеллигенции*: «В среде наших трудящихся классов образовался уже, однако, немногочисленный слой более или менее развитых людей, способных гораздо сознательнее относиться к общественным вопросам, чем многомиллионная масса их братьев по работе и лишениям. Эта-то народившаяся и нарождающаяся рабочая интеллигенция и должна взять на себя дело выяснения трудящимся классам России причин их угнетенного положения; на ней же лежит обязанность привлечь эти классы в ряды той международной армии, которая ведет неустанную войну за освобождение рабочих всего мира. Конечно и социалисты из образованных классов обязаны всеми силами помогать нашим передовым рабочим в их народно-революционной деятельности. Но передовые рабочие, по своему положению, занятиям и интересам, прямо, непосредственно соприкасаются с народной массой. Они одни, стало быть, и могут в настоящее время с большим или меньшим успехом непосредственно влиять на нее. Поэтому-то на них, как на интеллигентных предста-

вителях рабочего класса, и лежит главная обязанность возбудить его к борьбе за свои права и руководить им в ней».

Петр Струве, зачинатель марксизма в России и отец «легального марксизма», считал, со своей стороны, что «после того, как казачество в роли революционного фактора сходит на нет, в русской жизни зреет новый элемент, который – как ни мало похож он на казачество в социальном и бытовом отношении – в политическом смысле приходит ему на смену, является его историческим преемником. Этот элемент – интеллигенция»⁶⁹. Правда, Бебель, один из немногих вождей немецкой социал-демократии, вышедших из рабочего класса, видел другое решение вопроса о переизбытке интеллигентов в рабочем движении: он благосклонно смотрел на то, что «значительное число» представителей пролетаризирующейся интеллигенции «стремится жениться на богатых женщинах! Заключение богатого брака становится для них даже конечной целью (sic!)»⁷⁰. Этот же оратор успокаивал своих слушателей, употребляя слово «революция»: «Не пугайтесь этого слова, у нас на уме не винтовки и вилы». Так он защищал себя от обвинений в революционном насилии.

Во Франции этот вопрос встал в особенности после дела Дрейфуса, когда интеллигенты ринулись в социалистические организации. Один из главных идеологов социализма и профсоюзного движения Лагардель повторяет под несколько другим соусом темы, затронутые Каутским, на которого он охотно ссылается, чрезмерно заботясь о «научности». Прежде всего, он более бесцеремонно, чем Каутский, обрушивается на интеллигенцию: «Образованный класс, *мыслящий класс*, уже тем, что он получает привилегированное воспитание и высшее образование, легко воображает, что он не зависит от социальных конфликтов, что он один представляет интересы всего общества, что он представляет собой *интеллектуальную аристократию*. Большинство представителей интеллигенции презирает в той или иной степени рабочих физического труда и считает себя самыми способными всем управлять, самыми достойными, чтобы всем

командовать. Рабочим – работу, образованным людям – власть! Так они понимают *социальную иерархию*»⁷¹.

Согласно традиции, они во все времена имели в своих руках контроль над государством: «Они правили за счет других классов, но они правили».

Но Лагардель также открывает своих «добрых» интеллигентов, «умственный пролетариат», который приходит в социалистическое движение, потому что является «пролетариатом». Это «техники, инженеры, агрономы и т. д., которые продают на рынке по низкой цене свою умственную рабочую силу, и которые находятся в прямом соприкосновении с промышленной средой и рабочим классом, которым удалось в некоторой мере почувствовать общность интересов, все теснее привязывающую их к пролетариату». Поэтому их классовое сознание должно легко пробудиться. Это «здоровая часть умственного пролетариата». На противоположном конце «болото безработных с дипломами, неудачников, озлобленных, разочарованных карьеристов, всех тех, кого отторгло «буржуазное общество», кого следует, безусловно, избегать, поскольку это «отбросы».

Лагардель высказывает все же свое недоверие по отношению к «государственному социализму, который создает положение для интеллигенции за счет пролетариата». Его речь становится более резкой, когда он критикует социалистических предводителей, которые имеют склонность использовать пролетариат как «удобный инструмент для перехода к социализму». Решением проблемы могло бы стать создание пролетарской организации «достаточно сильной, чтобы их контролировать и ими управлять». Функция представителей интеллигенции в этой организации состояла бы в том, чтобы они были «делегатами, глашатаями, озвучивающими желания и решения пролетарского движения. Лагардель питал доверие к независимой силе классового движения, которое должно поглотить, образовать и преобразовать представителей интеллигенции, сделать из них своих «компетентных *специалистов*» и необходимых ему ученых.

Другой известный теоретик социализма того времени, Жорж Сорель, рассматривая данный вопрос, также пошел

по пути, намеченному Каутским, но наперекор ему. Но он не очень хорошо представлял себе, какие особые преимущества могли извлечь из социализма представители интеллигенции, поскольку «обобществление средств производства» должно было, по его мнению, обернуться «массовым локаутом» многочисленных работников умственного труда, ставших лишними. Он же попросту не принимал во внимание длительные и медленные «переходные периоды», которые должны возникать на пути к пролетарскому раю и во время которых расцветут многочисленные прибыльные должности и «ответственные» посты.

Сорель не допускал никакого снисхождения к тем, кому пришла в голову «гениальная мысль навязать употребление несоответствующего термина *интеллектуальный пролетариат*: это дает им возможность легко проникнуть, таким образом, в ряды промышленного пролетариата»⁷². Его отношение к этим людям было на грани полного презрения: «Интеллектуалы, как это часто говорят, не являются людьми, которые мыслят. Это люди, для которых *мыслить стало профессией* и которые взимают *аристократическую зарплату* под предлогом благородства этой профессии». Предвзятое пролетарское мнение усиливало его враждебность по отношению к интеллектуалам, «которые хотят убедить рабочих, что они заинтересованы привести их к власти и принять иерархию способностей, которая ставит трудящихся под руководство политиков».

Из изложенного выше очевидно, что сорелевский анализ близок к анализу Махайского, за исключением ссылок на Маркса, постоянно возникающих у Сореля, хотя и с сильной примесью прудонизма: «Чтобы хорошо понять преобразование, наступившее в социалистической мысли, следует рассмотреть, как устроено современное государство. Привилегии в нем имеет определенная группа интеллектуалов, располагающих так называемыми политическими средствами, чтобы противостоять нападкам других групп интеллектуалов, также стремящихся извлекать пользу из государственных должностей. Для завоевания этих должностей создаются партии, аналогичные государству. Таким образом, представляется возможным уточнить те-

зис, выдвинутый Марксом в *Манифесте коммунистической партии*: «До сих пор все социальные движения осуществлялись меньшинством и в пользу меньшинства». Мы бы сказали, что все политические кризисы состояли в замене одних интеллектуалов на других. Таким образом, они всегда приводили к сохранению государства и даже к его усилению, увеличивая число взаимно заинтересованных».

Пролетарская революция должна вести к «исчезновению крепостей интеллектуалов, которыми являются государство и его политические партии». Сорель продолжал Маркса на свой лад, желая видеть осуществление революции «производителями, которые, благодаря своей привычке к режиму работы большого промышленного цеха, сведут интеллектуалов к уровню простых служащих, занимающих как можно меньшее число рабочих мест». К сожалению, это красивое умозрительное построение так и не материализовалось в фактах: во время революций мы видим по-прежнему тех же «служащих», которые создают как можно большее количество «постов», чтобы подтвердить свои «способности» не просто служащих, а почтенных «ответственных работников».

Русская революция 1905 года подтвердила критические выводы Махайского. По мнению Горева, одного из социал-демократических историков того времени, эти идеи распространялись параллельно с развитием марксизма, и большинство его сторонников были рабочими социал-демократами⁷³. Кампания «против интеллигенции» и ожесточенная борьба против социализма нашли благодатную почву в инстинктивном недоверии многих рабочих к «господам» и, в частности, к «комитетчикам». Эта кампания оказалась еще более эффективной в среде революционеров, непосредственно не участвовавших в борьбе: заключенных, депортированных и ссыльных, у них было больше времени для размышлений, о чем Горев не упоминает.

Отличным примером этого является Афанасий Матюшенко, зачинщик восстания на броненосце *Потемкин*⁷⁴. При высадке в Румынии его встречал Христиан Раковский, светило местной социал-демократии (сам Матюшенко

симпатизировал в то время социал-демократам), который поздравил его с прибытием в «свободную» страну, пользующуюся демократическими, так называемыми буржуазными, свободами.

Когда Матюшенко ответил, что матросы подняли восстание не ради «такой свободы», Раковский заявил ему покровительственным тоном: «А вы чего хотели? Социализма? Нет, батенька мой, природа скачков не делает, из царства абсолютизма в царство свободы не перепрыгнешь, нужно постепенно пройти все стадии развития и, как вы ни крутите, куда ни вертите, а буржуазного строя вы не минуете, таков закон научного социализма».

Матюшенко наивно удивился: «Какие скачки? Какая история? Какие такие законы? Почему буржуазный, а не социалистический строй? Почему буржуазия, а не рабочий воспользуется свободой? Разве рабочий пойдет бороться за свободу, если он будет знать, что свободой воспользуется не он? Не есть ли самый лучший закон: я желаю, я хочу? Это желание может преодолеть все преграды, которые попадутся на пути. Неужели Вы думаете, что если бы Потемкину удалось выйти победителем из этой борьбы, народ не воспользовался бы свободой? Нет, я этому не верю!»

Тогда Раковский его отчитал, сказав: «Вы, голубчик мой, не горячитесь, Вы мало сознательны, Вам нужно многое и многое знать, а для того, чтобы знать, нужно читать. Вы серьезно займитесь чтением, и тогда Вы не так просто будете смотреть на вещи: тят да ляп – не выйдет корабль! Для того, чтобы добиться социализма, много еще прольется крови».

Смущенный Матюшенко последовал совету Раковского. Он многое прочел, но его радикальные взгляды ничуть не изменились. Зато то, что ему казалось прежде ясным и понятным, стало запутанным и сложным. Как раз в это время кто-то из социал-демократов одолжил ему священный *Капитал* Маркса, пообещав, что он найдет там искомую ясность. Матюшенко засел за *Капитал*, но чтение пришлось прервать из-за многочисленных иностранных терминов, которых он не знал, и алгебраических операций, которых он не понимал.

Тогда он пришел к выводу, что для того, чтобы читать и понимать *Капитал*, необходимо уже много знать, рабочему с его тяжелым десятичасовым рабочим днем с этим не справиться, кроме того, книга эта стоит недешево. Отсюда он сделал вывод, что это сочинение ничего не дает рабочим. Когда ему сказали, что эта книга служит «кладезем», из которого «понимающие» люди, черпают знания, которые они затем передадут народу, Матюшенко высказал резкое суждение против подобных книг, «написанных для народа», где постоянно можно встретить советы и призывы такого рода как: «...везде и всюду встречается жди, терпи, нельзя то то, то другое мешает, не делай ничего сам, а доверяй только нам, мы для тебя все сделаем; только социал-демократия хороша, остальные партии или мелко буржуазны, или шпионы, или сумасшедшие. Почему? Много ли из всего этого поймешь?»

Одному из социал-демократов, который упрекнул его в том, что он ничего не «понимает» и который заявил, что если б не было Кантов, Марксов и других знаменитостей, он остался бы «обезьяной», он ответил: «Нет, если бы не мы, говорю я, то Кант и Маркс и все знаменитости подошли бы, как собаки, с голоду». Матюшенко заканчивает письмо, адресованное своим «бывшим учителям», спрашивая, как следует называть Горького, который считает буржуя «кровопийцей», тогда как сам получает за единственное написанное им слово столько, сколько рабочий получает за целый день⁷⁵.

Оценив дерево по плодам, которые оно приносит, Матюшенко отошел от марксизма и стал анархо-синдикалистом. После поездки по Европе и Америке он вернулся в Украину в 1907 году, чтобы продолжить борьбу, был схвачен царской полицией и казнен.

В том же году в России появились труды Евгения Лозинского, который придерживался прежде максималистских эсеровских взглядов⁷⁶, а теперь продолжил «антиинтеллигентскую» критику Махайского. Лозинский упрекает Махайского за отсутствие системности, за чрезмерное пренебрежение к теории и к современной социальной науке, что

лишило его труд методологической основы⁷⁷. Для него, как и для Махайского, интеллигенция является привилегированным и эксплуататорским классом (у него речь больше не идет о двуликом, как Янус, классе, с одной стороны, эксплуататорском, с другой – эксплуатируемом), который кормится за счет неоплаченного физического труда рабочих. Исправляя методологический недостаток Махайского, он определяет этот класс, исходя из достаточно «марксистских», в конечном счете, критериев: 1) на основе общего источника его доходов; 2) на основе вытекающей отсюда общности его основных экономических интересов; 3) на основе идентичности его отношений, более или менее антагонистических, со всеми остальными экономическими группами⁷⁸.

Классовые интересы интеллигенции, по его мнению, наилучшим образом представлены и отстаиваются в огромной научной литературе социалистической ориентации, крестным отцом которой является Маркс. По этому поводу он повторяет постулат Махайского, согласно которому марксизм не стремится уничтожить основные классовые антагонизмы, он только заменяет старый господствующий класс на новый и устанавливает новые, более изощренные и более эффективные условия угнетения. Этот класс развивается и процветает особенно с развитием крупной индустрии.

Лозинский отдает должное Махайскому за то, что тот показал во второй части брошюры *Умственный рабочий*, что вторая книга *Капитала* преследовала цель оправдать господство при социалистическом строе интеллигенции, которая якобы присваивает себе под видом обобществления средств производства значительную часть национального продукта. Удар, нанесенный Махайским Марксу и социализму, был, по мнению Лозинского, решающим. Им трудно было оправдаться, не прибегая ко лжи и уверткам⁷⁹. Начиная с того момента, когда признано справедливым и нормальным более высокое вознаграждение за умственный труд, интеллигенция может больше не опасаться никакой социальной революции⁸⁰. Поскольку, если она произойдет, окажется, что «фабрики и заводы, земля и рудники, желез-

ные дороги и банки изъяты из частной собственности и перешли частью в государственное, частью в коммунальное владение. Надо, значит, немедленно же приступить к организации общественного производства, обмена и распределения во всей стране. Это колоссальное по объему и трудности дело предъявит огромный спрос на умственные силы, на людей знания, таланта и науки. Все места управления, организации и руководства, все места центральной и местной администрации, все статистические комитеты, железнодорожные управления, словом, все жизненные узлы нового общественного строя будут необходимо заняты *классом* умственных работников, интеллигенцией. [...] Ведь не рабочие же пойдут управлять государственно-хозяйственной машиной, в которой они ни аза не смыслят. [...] Рабочему классу будет обещано равенство – “в будущем”, когда это допустят “техничко-производственные силы”, а пока будет приказано сидеть смирно да выжидать у моря погоды. Затем начнется новое классовое господство умственного работника, обеспечившего за собою наследственное монопольное владение своей собственностью – источником богатства и власти, новое рабское хозяйство, но уже на ученых, усовершенствованных началах.

Наступит, словом, столь желанное, столь воспеваемое уже десятки лет царство – *социализм*. [...] И так, на другой день после “социальной революции” у кормила правления очутится интеллигенция, в качестве “свободно” избранных – на основании всеобщего, тайного и т. д. права – представителей пролетариата, рабочих несведущих масс. Целый новый господский, эксплуататорский класс, уцелевший от “всеобщей экспроприации”, спасший от нее свой привилегированный доход, окажется в роли “представителя пролетариата”. В руках этих “представителей” окажется все управление, все руководство колоссальным общественным механизмом, вся государственная власть, все сконцентрированные материальные богатства, отнятые у прежних властелинов, наконец, все знания – *плюс* еще полное доверие рабочих масс»⁸¹.

Лозинский не сомневался, что его подрывные взгляды на интеллигенцию и социализм встретят ожесточенное сопротивление, что вся «наука» и «философия» объявят им тотальную войну.

Действительно, нападки посыпались со всех сторон. Лозинский принял «санитарные меры предосторожности», ответил на упрек в том, что он просто плагиатор Махайского, утверждая, что он никогда не скрывал, что первенство принадлежит Махайскому. Впоследствии его попросту начали смешивать с Махайским и «махаевщиной».

В 1909 г. Лозинский опубликовал чрезвычайно интересный труд об итогах и перспективах рабочего движения на Западе и в России.⁸² В нем он рассматривает положение рабочего класса и его «представителей» поочередно в каждой стране, затем подводит довольно мрачный общий итог: научно-технический прогресс практически никак не изменил нищенские условия жизни рабочих. Он скорее усугубил их эксплуатацию, усилил и усовершенствовал вооруженные и репрессивные силы, средства воздействия вообще, повлек за собой рост абсолютной и относительной безработицы, что связано с развитием техники и механизации и зачастую становится причиной физического вырождения рабочих; выросли цены на продукты; промышленники объединились между собой; все так называемые свободы прессы, слова и т. д. служили только тем, кто мог ими пользоваться, образованным людям, социалистической интеллигенции, которая таким образом могла оказывать свое «влияние», одурманивать эксплуатируемые массы; «организаторская» роль (по Марксу) капиталистического завода оказалась, напротив, мощным средством порабощения рабочих. Лозинский составил, таким образом, обвинительный акт капиталистическому развитию, порождающему еще большую эксплуатацию рабочего класса.

В заключении своего хорошо документированного исследования Лозинский касается перспектив независимого действия пролетариата, вне всяких партий и профсоюзов. Эти перспективы, кроме панацеи-забастовки, оставались достаточно туманными, точно так же, как и у Махайского. У них это, конечно, соответствовало желанию не навязывать

себя в качестве новых идеологов. По их мнению, пролетарское движение должно быть способным само выработать, на основе минимума определенных позиций, средства и цели своей борьбы⁸³.

Среди критики реакция писателя Иванова-Разумника наилучшим образом воплощает отношение к проблеме со стороны русской народнической интеллигенции. В обстоятельном труде, посвященном махаевщине⁸⁴, он подробно излагает основные ее линии. По его словам, речь идет о настолько типичной для рабочего движения тенденции, что мало было митингов, на которых среди ораторов не выступал бы хоть один из ее представителей.

Иванов-Разумник напоминает, что термин *интеллигенция* был введен в 1860 годах Боборыкиным, затем подхвачен Писаревым⁸⁵, который употребляет его для обозначения мелкого чиновника-разночинца⁸⁶, «мыслящего пролетария». Хотя интеллигенция и продает свою рабочую силу, она является также составляющей частью буржуазии. Действительно, по Иванову-Разумнику, речь идет не о классе, а о группе вне класса, отличающейся своей этикой. Эта группа определяется не по уровню знаний – впрочем, сначала, по крайней мере, следует провести различие между образованием и культурой, – а, скорее, по своей совести и по целому ряду «внутренних» этических признаков, чем по социальной или экономической функции, ставшей исключительным критерием для Махайского, что привело его на грань абсурда и в чем он, впрочем, соприкасается с марксизмом.

Это отношение, которое можно бы сравнить с политикой страуса, останется и у эсеров, последователей народников, унаследовавших их ореол славы в виде длинных списков террористов-мучеников, принесенных в жертву и возведенных в ранг «святых» во имя «святого» дела народа и благодаря ему. Для них интеллигенция останется навсегда авангардом, более сознательным и более отважным, чем массы. В этой ситуации неудивительно, что критика Махайского не достигла цели и не смогла задеть эту группу, находившуюся в особом положении, «между небом и землей». Главный теоретик эсеров Виктор Чернов считал, что решение

проблемы состоит в общедоступном бесплатном образовании и что не следует делать столько шума по поводу знаний, считая при этом нормальным, что высший уровень знаний соответствует более качественному труду и, следовательно, более высокому вознаграждению. Он иронизирует, замечая, что уравнивание зарплат до уровня чернорабочего привело бы к тому, что «рабочевольцы еще требовали низведения всех заработных плат до уровня платы чернорабочего, – словно идеал заключается в нивелировке по низшему уровню, словно высшее благо есть уравнивание в нищете»⁸⁷.

Что касается анархистов, они видят проблему под более острым углом. Они признают, что существует большая разница между рабочим и умственным пролетарием. Условия труда последнего гораздо лучше, его рабочий день менее продолжителен, заработная плата более выгодна. Разница обнаруживается сразу по внешнему виду: работник умственного труда лучше одет, у него ухоженные руки, его сразу можно отличить от человека, работающего физически; и даже если иногда его зарплата меньше, чем у некоторых рабочих, он сохраняет то преимущество, что его личность менее подавлена. Автор этой статьи Ветров начинает с обильной критики, показав, что проблема действительно существует⁸⁸. У рабочих достаточно оснований, чтобы питать неприязнь к интеллигентам-революционерам, которые стремятся всем командовать, занять должности генералов революции, считая рабочие массы мелкой сошкой. К тому же, в этой среде часто господствует атмосфера идей, споров и духовных интересов, непонятных и даже глубоко чуждых, если не враждебных, простым рабочим. Рабочие инстинктивно чувствуют, что они отошли бы от живого дела революции, если бы погрузились в эти интеллигентские занятия. Ветров в своем анализе заходит далеко, признавая, что интеллигенция вообще всегда оказывалась на службе у капиталистов и государства и что мало кто из ее представителей, особенно среди гениев науки и искусства, не служил послушным орудием для угнетения рабочих масс в руках господствующих классов.

Благосклонное отношение Ветрова на этом исчерпывается. Он отказывается рассматривать интеллигенцию как

абсолютного и скрытного врага, каковой она предстает у Лозинского, который предлагает направить против нее пролетарскую революцию, без чего никакая социальная революция никогда не сможет действительно помочь рабочим физического труда. Нет, Ветров упрекает его за то, что он привлекает внимание к мнимым врагам, вместо действительных, – государства и капитала. Он упрекает Лозинского даже в том, что тот впадает в почти реакционную демагогию в своем желании отвлечь массы от их настоящих целей. И, как ни парадоксально, Ветров упрекает Лозинского еще за то, что тот остается на почве марксизма и замыкается в классовой структуре общества. По его мнению, идеал социальной революции должен разделяться все большим числом людей, которые хорошо понимали бы свои задачи и были бы готовы пожертвовать собой ради революции. Интеллигенция для него явление не экономического или социологического, а чисто психологического плана: одни стоят на стороне эксплуататоров, другие за социальную революцию, точно так же, как «желтый» рабочий отличается от рабочего анархо-синдикалиста. Подводя итог, Ветров пишет, что в анархо-коммунистическом обществе «Властители душ» и «властители чувств» в будущем смысле этих слов не переведутся никогда, и хорошо, что они не переведутся, что человечество никогда не перестанет шествовать по пути к идеалу истины, добра и красоты. [...] Если понимание гениев и талантов и сочувствие им, проникновение их идеалами можно назвать интеллигентностью, то пусть же все человечество станет интеллигенцией!»

Другой анархистский комментатор, Максим Раевский, придерживается такой же линии. Вначале он отрекается от социал-демократии, затем выдвигает положение о том, что в анархистской коммуне никто не может быть ущемлен, поскольку ее принципом будет: «От каждого по способностям, каждому по потребностям». Он вновь подтверждает гуманистическую «внеклассовую» роль интеллигенции и подчеркивает ее «естественную нейтральность»⁸⁹.

Несмотря на все, остается некоторое недоверие и предлагается держать интеллигентов подальше от рабочего

движения. В случае необходимости, если после революции они будут пытаться играть роль «хозяев», рабочие массы смогут привести их в чувства. «Трудящиеся массы, освободившиеся от своих многовековых угнетателей, уничтожив власть во всех ее формах, сумеют предохранить себя от покушений властолюбивых интеллигентов, если бы таковые “на другой день после социальной революции” захотели создать новые формы власти и эксплуатации».

Этим дебаты не закончились, – в 1912 г. ученик Кропоткина Оргеани посвятил интеллигенции брошюру, повторяя в значительной степени те же аргументы. Единственное дополнение состояло в критике эгалитаризма Махайского и Лозинского, которые, в полную противоположность либертарному коммунизму и настоящему эгалитаризму, сохраняли принципы власти, централизации и оплаты труда⁹⁰.

Подводя итог, можно сказать, что если для эсеров интеллигенция была преисполнена «благородных» устремлений, то отношение анархистов было более дифференцированным, отличавшимся касательно явления в целом, они не доходили до критики Махайского, но шли значительно дальше в вопросе о революционных перспективах.

Русские социал-демократы придерживались позиции Каутского: интеллигенция представляет собой ни то, ни се, она не является ни эксплуататорским классом, ни даже особым классом, а скорее «прослойкой» между пролетариатом и буржуазией, политически примыкая частично то к той, то к другой стороне, хотя тенденция сближения с пролетариатом преобладает. Позже Л.Н. Сыркин, официальный советский историограф махаевщины, определил, что «три направления, таким образом, скрестились: анархизм, экономизм, народничество [...] отражением настроений, идей, утопии вообще, одних и тех же мелко-буржуазных слоев населения»⁹¹.

В это же время был опубликован очерк Робера Мишеля (1876–1936) об олигархических тенденциях демократий. Это социологическое исследование политических групп и партий, начиная в особенности с примера германской со-

циал-демократии, очерчивает с замечательной точностью интересующую нас проблему.

В свете фактов автор отмечает: «Кто говорит организация, говорит тенденция к олигархии». Организация имеет «следствием делить любую партию или любой профсоюз на руководящее меньшинство и руководимое большинство»⁹².

Правящее меньшинство, или «вожди», как их называет Мишель, все дальше уходят от контроля низов, простым исполнительным органом которых они должны быть: «Но в действительности, по мере того, как растет организация, признаваемое за массой право контроля становится все более иллюзорным. Члены организации должны отказаться от руководства и даже от надзора за всеми административными делами. Они вынуждены доверить эту обязанность надежным людям, специально назначенным для этой цели, чиновникам, оплачиваемым организацией. Массе приходится довольствоваться более чем поверхностными отчетами или же прибегать к созданию контрольных комиссий»⁹³.

Руководители, благодаря особым знаниям и компетентности, полученным при исполнении возложенных на них ответственных функций, умеют в случае необходимости, используя «отступления, перифразы и терминологические тонкости, превратить самый простой и самый естественный в мире вопрос в священную тайну, ключом к которой обладают только они»⁹⁴. Таким образом, эти руководители плетут между низами и собой сеть, которая мешает низам контролировать их деятельность. Это способствует усилению их власти и делает ее незаменимой: «Во всех административных и тактических делах, где решение требует специальных знаний, а исполнение требует определенной власти, приходится допускать некоторую долю деспотизма и, следовательно, некоторое отклонение от принципов чистой демократии. С демократической точки зрения, возможно, это является злом, но злом необходимым. Социализм не значит: все делается народом, а все делается для народа»⁹⁵.

Таким образом, руководители извлекают из некомпетентности масс и из собственной компетентности теорети-

ческое обоснование их действительного господства, превращаясь в какое-то «правительство наилучших», аристократию самых способных (Мишель затрагивает здесь quintessence социализма, сформировавшуюся, как мы видели, под влиянием концепций Сен-Симона). Поэтому эти руководители чувствуют за собой не только право, но и долг стать во главе масс в качестве их квалифицированных и, так сказать, «естественных» представителей.

Очевидно, что это правящее меньшинство вербуетя главным образом, чтобы не сказать исключительно, среди представителей буржуазии, которые берут на себя «заботу рассматривать и разрабатывать теоретические вопросы и руководить ежедневной практической политикой». В этом надлежит видеть следствие «экономической организации современного общества производства»⁹⁶.

Мишель приводит основной довод в пользу этого явления: «Только социалист буржуазного происхождения обладает тем, чего еще совсем не хватает пролетариату: временем и средствами для своего политического воспитания, физической свободой перемещения и материальной независимостью, без которой занятие политической деятельностью в настоящем и прямом смысле этого слова невысказимо».

«В этих условиях нет ничего удивительного в том, что пролетариат до сих пор зависит, в некоторой мере, от перебежчиков из лагеря буржуазии»⁹⁷.

Далее Мишель говорит о вероятности того, что какая-либо социальная группа, обладающая средствами коллективной власти, сделает «все возможное, чтобы сохранить их в своих руках». Здесь Мишель неминуемо должен был соприкоснуться с идеями Махайского. В первую очередь, по поводу Маркса он замечает: «Маркс считает, что между разрушением капиталистического общества и построением коммунистического общества будет переходный революционный период, период экономический, которому будет соответствовать переходный политический период и “во время которого государство не может быть чем-либо иным, кроме революционной диктатуры пролетариата”; или же, говоря более прямо, мы тогда станем свидетелями

диктатуры вождей, которым хватило хитрости и силы, чтобы во имя социализма вырвать из рук умирающей буржуазии скипетр господства»⁹⁸.

Затем по главному вопросу выводов Махайского Мишель пишет: «Следует опасаться, как бы социальная революция не поставила на место правящего класса, видимого и ощутимого, который существует в наши дни и действует в открытую, демагогическую олигархию, подпольную, действующую под ложной личиной равенства»⁹⁹.

Этот вполне логический вывод позволяет ему сформулировать следующий социологический закон: «По неизбежному общественному закону любой орган коллектива, возникший из распределения труда, создает себе, как только он наберется сил, интерес, существующий сам по себе и для себя. Но частные интересы не могут существовать в рамках коллективного организма, не вступив сразу же в противоречие с общим интересом. Более того, социальные слои, выполняющие различные функции, стремятся к самоизоляции и к созданию собственных органов, способных защищать их частные интересы, и к преобразованию, в конечном счете, в отдельные классы»¹⁰⁰.

Таким образом, социальная революция якобы не вносит никакого существенного изменения во внутреннюю структуру масс. Ее «победа» знаменует лишь пришествие новой олигархии. По мнению Мишеля, сама организация содержит в себе неустранимый порок, она может привести только к «господству избранных над избирателями, уполномоченных над уполномочиваемыми, делегатов над теми, кто их делегирует»¹⁰¹. *То, что есть, угнетает то, что должно быть.*

Единственная перспектива для демократии, стремящейся избежать полного пессимизма, состоит в колебательном движении. С одной стороны, выработать у индивида умственную способность к критике и контролю, с другой стороны, избегать тенденции к созданию все более сложных и дифференцированных, то есть основанных на компетентности меньшинства, организаций.

Конечно, этот очерк не принес большой популярности Мишелю среди социалистической «братии», тем не менее,

он получил определенный отклик, который, к сожалению, вскоре заглушила бойня 1914 года.

Описание социально-идеологического контекста критики Махайского было бы неполным, если не упомянуть об отношении к интеллигенции со стороны Ленина, отца большевизма – гибридного и «обогащенного» марксизма.

Для Ленина дело представляется понятным: «раз о самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи. [...] Классовое политическое сознание может быть принесено рабочему *только извне*».

Его вдохновляют «глубоко справедливые и важные слова» Каутского, который сам черпал вдохновение у Маркса по поводу «буржуа-идеологов, которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического движения»: «Современное социалистическое сознание может возникнуть только на основании глубокого научного знания. В самом деле, современная экономическая наука настолько же является условием социалистического производства, как и современная, скажем, техника, а пролетариат при всем своем желании не может создать ни той, ни другой; обе они возникают из современного общественного процесса. Носителем же науки является не пролетариат, а *буржуазная интеллигенция*»¹⁰².

Таким образом, социализм был выработан «образованными представителями имущих классов, интеллигентами». Маркс и Энгельс по своему социальному положению сами принадлежали к таким буржуазным интеллигентам. Хотя некоторые «развитые» рабочие, как Прудон или Вейтлинг, сказали свое слово, у Ленина, как следствие, нет ни потребности, ни времени на чтение Махайского или Лозинского, поскольку он слишком занят полемикой с эмпириокритицизмом, а в особенности со своими злейшими врагами меньшевиками. Роль интеллигенции, компетентного меньшинства, единственно компетентного во всех вопросах социализма, для него сама собой понятна, разве что «интеллигенция бежит из партии», тогда ее следует покрыть позором: «Туда и дорога этой сволочи. Партия очищается от мещанского сора. Рабочие больше берутся за дело».

Когда гнев проходит, Ленин вновь обретает свой естественный тон: «Уж, конечно, я не думал “гнать интеллигенцию”, как делают глупенькие синдикалисты, или отрицать ее необходимость для рабочего движения»¹⁰³.

Коррупция властью, о которой говорил Мишель, вовсе его не смущает. Он склоняется скорее к тому, чтобы уверенно взять ответственность за нее на себя, если принять во внимание его концепцию «профессионального революционера» – этот оригинальный росток, которому сужден был большой успех, когда «выдающиеся деятели» захватят в свои руки власть, завоеванную в 1917 году. Тогда наступит время «диалектических» вывертов, которым до сих пор не перестаешь удивляться. Судите сами: «Нет. Коммунистами достойны называться лишь те, кто понимает, что создать или ввести социализм, *не учась* у организаторов треста, *нельзя*. Ибо социализм не есть выдумка, а есть усвоение пролетарским авангардом, завоевавшим власть, усвоение и применение того, что создано трестами. Нам, партии пролетариата, *неоткуда* взять умения организовать крупнейшее производство, по типу трестов, как тресты, – *неоткуда*, если не взять его у первоклассных специалистов капитализма»¹⁰⁴.

Оказывается, что школа завода для рабочего недостаточна, чтобы он приобрел опыт, необходимый для организации производства.

«Самые первоклассные специалисты» пользовались наилучшим расположением со стороны ленинской власти, получали высокие премии и зарплаты, не считая соответствующего социального уважения.

Надо полагать, что харизматическая власть Ленина была особо высокой, поскольку в 1922 году ему удалось силой заставить делегатов XI съезда партии проглотить следующее «акробатическое» доказательство: «А у нас общественность, которая с рельсов капиталистических соскочила, а на новые рельсы еще не вошла, но руководит этим государством не буржуазия, а пролетариат. Мы не хотим понять, что когда мы говорим “государство”, то государство – это мы, это – пролетариат, это – авангард рабочего класса. Государственный капитализм, это – тот капитализм, ко-

торый мы сумеем ограничить, пределы которого мы сумеем установить, этот государственный капитализм связан с государством, а государство это – рабочие, это – передовая часть рабочих, это – авангард, это – мы»¹⁰⁵.

Ленин, очевидно, любил жонглировать словами. Если бы при этом русский пролетариат не служил подопытным кроликом, эти эквилибристические упражнения не повредили бы никому. Таким образом, становится также понятнее, почему в рамках своей знаменитой «новой экономической политики» (НЭП) начавшейся в 1921 году, после Кронштадтского восстания, Ленин возродил частный капитализм и в деле улучшения участи русских рабочих рассчитывал на иностранных капиталистов, которым предлагались щедрые концессии.

Революция 1917 года подтвердила опасения Махайского. После первых народных выступлений интеллигенция приняла эстафету, монополизировала политическое выражение движения как во временном правительстве Керенского, так и в самих советах, которые в своем «высшем эшелоне» включали на самом деле большое число революционеров, ставших на этот путь до 1917 года.

Очевидно, что в это время особо ценится «капитал» знания и умения борцов. Только те, кто умел «правильно» высказываться, «правильно» писать, организовывать и контролировать, могли предложить себя на место старых уходящих властей. Еще более поразительно массовое участие этих же «борцов» в органах большевистской власти, по отношению к которой большинство из них были внутренне настроены враждебно, но которую они верно поддерживали до тех пор, пока она достаточно окрепла, чтобы обойтись без них¹⁰⁶.

Для руководства и управления необходимо иметь некоторое образование, некоторые навыки умственного труда, способность к обобщению и выводам. Это было по силам только работникам умственного труда, интеллигенции. В России, если посмотреть биографии основных деятелей того периода, имеем дело практически только с профессиональными революционерами интеллектуальной форма-

ции (публицистами, учителями, инженерами, бывшими университетскими преподавателями, служащими), и в крайне редком случае встречается несколько рабочих-самоучек. Эта среда была очень далека от ежедневной жизни и образа мыслей пролетариев города и деревни. Ей было тяжело, и даже невозможно, выразить и тем более отстаивать действительные и настоящие чаяния пролетариата. В конечном счете, она объединилась против всего, что могло представлять старый строй и темные массы, которые наивно хотели обойтись без ее услуг и взять судьбу в свои собственные руки. Классовые интересы интеллигенции получили, таким образом, приоритет. Этим объясняется тот факт, что вопросы идеологии сыграли только вспомогательную роль и служили лишь прикрытием для менее чистых мотивов.

Надо полагать, массы было не так просто обмануть. Писатель Паустовский в своих воспоминаниях о тех днях упоминает о подспудной ненависти к интеллигентам, символом которых были очки. Один из его персонажей, страдавший большой близорукостью, вынужден идти, опираясь на другого, отказываясь носить очки¹⁰⁷.

С момента его установления сущность нового строя не переставала вызывать достаточно бурные споры. Для Ленина, как мы знаем, этот строй был странной смесью: государственный капитализм под руководством пролетариата через посредничество партии. Он охотно признавал существование в нем сильной тенденции к бюрократизации. Его последней заботой была попытка найти лекарство от этой болезни: он предложил ввести несколько десятков простых рабочих и крестьян в состав центрального комитета и политбюро партии: «Я представляю себе дело таким образом, что несколько десятков рабочих, входя в состав ЦК, могут лучше, чем кто бы то ни было другой, заняться проверкой, улучшением и пересозданием нашего аппарата. РКИ, которой принадлежала эта функция вначале, оказалась не в состоянии справиться с нею и может быть употреблена лишь как «придаток» или как помощница, при известных условиях, к этим членам ЦК. Рабочие, входящие в ЦК, должны быть, по моему мнению, преимущественно

не из тех рабочих, которые прошли длинную советскую службу (к рабочим в этой части своего письма я отношу всюду и крестьян), потому что в этих рабочих уже создались известные традиции и известные предубеждения, с которыми именно желательно бороться.

В число рабочих членов ЦК должны войти преимущественно рабочие, стоящие ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих, и принадлежащие ближе к числу рядовых рабочих и крестьян, которые, однако, не попадают в разряд прямо или косвенно эксплуататоров. Я думаю, что такие рабочие, присутствуя на всех заседаниях ЦК, на всех заседаниях Политбюро, читая все документы ЦК, могут составить кадр преданных сторонников советского строя, способных, во-первых, придать устойчивость самому ЦК, во-вторых, способных действительно работать над обновлением и улучшением аппарата»¹⁰⁸. При этом он опровергал все свои прежние теории и признал явное поражение предпринятого им дела. К сожалению, было слишком поздно: вскоре его болезнь вошла в последнюю стадию, приведшую к фатальному концу. Его ученики взяли на себя обязательство последовательно проводить в жизнь «марксизм-ленинизм». Уже Лукач пытался оправдать роль партии, «носителя классового сознания пролетариата, сознания его исторической миссии»¹⁰⁹.

Впрочем, почти все противники этого строя шли в том же направлении: даже если они осуждали диктатуру партии, ее репрессивные злоупотребления и, конечно же, ее тоталитарный характер, они отказывались анализировать их корни.

Таковым было, в частности, отношение меньшевиков, молочных братьев большевиков, ставших их врагами. Их лидер Дан заявлял все еще в 1932 году: «Нашей партии не придет в голову отрицать *великие исторические победы* революции под большевистским руководством. Напротив, она ссылается на эти победы в качестве контраргумента против всех тех, кто объявляет большевистскую диктатуру «контрреволюцией» или приравнивает ее к фашизму. [...] Отвечая соотношению общественных сил в России, боль-

шевистская диктатура «сознательного» меньшинства оказалась неизбежным и необходимым историческим этапом в ходе русской революции»¹¹⁰.

Для Дана именно крестьянство представляло опасное для промышленного пролетариата буржуазное препятствие! Вырождение диктатуры, рост бюрократии объяснялись его «инстинктом самосохранения»(!). «Накладные расходы» (sic!) отражались, таким образом, на всей экономической и политической жизни, и это вызывало растущее недовольство масс, которое, в свою очередь, порождало политику «открытого насилия» со стороны власти!¹¹¹

Большевистская диктатура, не будучи «диктатурой рабочего класса», оставалась «революционной», хотя и вырождалась «все больше и больше в диктатуру новой привилегированной прослойки, вышедшей из плебейской массы»¹¹². Вот так! Вот что мог вымучить из себя «размягченный» русский марксистский мозг в тот год божьей милости. Указанное препятствие незамедлительно стало сниматься широкой кампанией «раскулачивания», систематического геноцида крестьян, сопротивлявшихся казарменным колхозам. «Новая привилегированная прослойка» стала свидетелем почти полного обновления своих верхов на протяжении 1936–1939 годов. Эти изменения совпали с провозглашением социализма в России, не вызвав особых ответных реакций западных обозревателей. Действительно, поскольку альфа и омега социализма всегда определялись по коллективной принадлежности средств производства, этого было достаточно для оправдания подобного названия.

Те же отношения собственности гипнотизировали также Троцкого до такой степени, что его анализ становился противоречивым. По его мнению, рабочее государство вырождалось из-за «плохого» руководства, избранного сталинской бюрократией. Привилегии бюрократов были, по его словам, лишь «злоупотреблениями», хотя диспропорция в доходах была значительной. В одной из статей, опубликованных в конце 1939 года, он признает, что от одиннадцати до двенадцати процентов населения страны получало около пятидесяти процентов национального дохода, это по

официальной статистике. Надо было страдать сильным ко-
соглазием, чтобы придти к выводу, что сталинское откло-
нение было вызвано только социальным преобладанием
крестьянства и капиталистическим окружением. Более то-
го, несмотря на все эти оговорки, строй в его глазах со-
хранял свой пролетарский и социалистический характер:
«В то же время мы установили, что, несмотря на чудовищ-
ное бюрократическое перерождение, советское государст-
во все еще остается историческим орудием рабочего клас-
са, поскольку обеспечивает развитие хозяйства и культуры
на основе национализированных средств производства и
тем самым подготавливает условия для действительной
эмансипации трудящихся путем ликвидации бюрократии и
социального неравенства.

Кто не подумал и не воспринял серьезно эти два основ-
ных положения, кто вообще не изучил литературу больше-
виков-ленинцев по вопросу об СССР, начиная с 1923 года,
тот рискует при каждом новом событии терять руководя-
щую нить и заменять марксистский анализ жалобными
присуждениями.

Советский (вернее было бы сказать: антисоветский) бю-
рократизм является продуктом социальных противоречий:
между городом и деревней; между пролетариатом и
крестьянством (эти два рода противоречий не совпадают);
между национальными республиками и областями; между
разными группами крестьянства; между разными слоями
пролетариата; между разными группами потребителей;
наконец, между советским государством в целом и его
капиталистическим окружением»¹¹³.

Эти кривляния и зигзаги не помешали Троцкому по-
прежнему оценивать сущность режима следующим обра-
зом: «социальное содержание диктатуры бюрократии оп-
ределялось теми производственными отношениями, кото-
рые заложила пролетарская революция. В этом смысле
можно с полным правом сказать, что диктатура пролетари-
ата нашла свое искаженное, но несомненное выражение в
диктатуре бюрократии»¹¹⁴(!?). Троцкий чувствовал потреб-
ность оправдать тем или иным образом режим сверхполи-
цейского государства: утверждая, что революция продол-

жают жить в сознании советских трудящихся, которые неизбежно должны свергнуть узурпаторскую бюрократию, он пытался уменьшить свою личную ответственность за то, что связал русский пролетариат и отдал его в руки этой бюрократии.

Он не мог признать, что был устранен одним из представителей этой бюрократии, который оказался более эффективным, чем он сам. Он забывал также, что прежде чем стать благочестивым ленинцем, он разработал блестящую теорию «заместительства»: «Во внутренней партийной политике эти методы (“отдумывания и заместительства”) приводят, как мы еще увидим, к тому, что партийная организация “замещает” собою Партию, ЦК замещает партийную организацию и, наконец, “диктатор” замещает собой ЦК. Тов. Ленин документально засвидетельствовал это “упразднение” в некотором принципиальном тезисе, мимо которого нельзя пройти мимо»¹¹⁵. В то время он имел в виду «Максимилиана» Ленина.

Аргумент об «отсталости» народа и русской экономики также требует некоторых уточнений. Прежде всего, вопреки распространенному мнению, в канун войны 1914 года царская Россия отличалась очень быстрым экономическим развитием, темпы которого были сравнимы только с темпами развития Соединенных Штатов, и если бы не война и революционные испытания, она, несомненно, стала бы могущественной капиталистической державой¹¹⁶. Кроме того, и этот факт более известен, Россия, житница Европы, была большей частью аграрной страной, и более четырех пятых крестьян объединялись в сельские общины, отличительной чертой которых являлась коллективная собственность на землю. Это был пережиток того, что обычно называют примитивным коммунизмом¹¹⁷. Маркс считал, что «община является точкой опоры социального возрождения России»¹¹⁸. Значение лозунга «землю крестьянам» сводилось к тому, чтобы вернуть в коллективную собственность лучшие земли, находившиеся в руках царской семьи, духовенства и крупных помещиков. Усматривать в этом, подобно Ленину и большевикам, только стремление стать мелким собственником, свидетельствует о полном непони-

мании крестьянского вопроса в России и об ослеплении самыми закостенелыми «марксистскими» предрассудками.

Аргумент об «отсталости» в действительности используется как «алиби». Поскольку в марксистской демонологии «отсталый» и «реакционный» были синонимами, все становится возможным – и расправы, и геноцид, лишь бы мотивы были «прогрессивными». Самые худшие преступления всегда прикрывались пришествием «прогресса», наступлением цивилизации, культуры, называемой «высшей» (в действительности, вооруженной только превосходящими военными средствами). Многочисленные исторические примеры, от экспансии Римской империи до колонизации Африки, не забывая и о «подвигах» конквистадоров.

Троцкий был намного целомудреннее в вопросе о классовой сущности бюрократии. Он упрямо видел в ней авангард пролетариата, точно так же, как Дан видел в ней только «новую привилегированную прослойку, вышедшую из плебейских масс» и состоящую из постоянных руководителей партии и профсоюзов, чекистов, разных специалистов и идеологов, управляющих трестами, «инженеров человеческих душ» (писателей, журналистов, профессоров и вообще наемных писак власти, получающих постоянное вознаграждение) и инженеров «без души» (стахановцев), техников и «пролетарских» ученых и всех, кто получил от режима теплое местечко.

Естественно, если рассматривать массы, как «отсталые», легче выставлять в выгодном свете организационные и управленческие таланты этой новой буржуазии.

Некоторые ученики Троцкого открыли секрет Полишинеля: существование нового господствующего класса в СССР, который коллективно владел средствами производства и эксплуатировал ради своей выгоды пролетариат¹¹⁹. Бернхэм, открыв «эру организаторов»¹²⁰, объяснил, что речь идет о «менеджерах». Позже, Джилас описал изнутри нравы и обычаи этого класса¹²¹.

Более ранний анализ, предпринятый Антоном Чилигой, хорватским коммунистом, прибывшим работать в Москву от Коминтерна и прожившим в СССР с 1926 по 1935 год, дает самую трезвую и ясную картину существующего режима.

Особую ценность представляет его свидетельство о положении рабочего класса: «Унижение рабочего в СССР отчетливо проявляется еще в одном случае – в момент приема на работу, в особенности, если речь идет о хоть немного выгодном месте. Директора крупных и средних предприятий сами нанимают только кадровых работников: инженеров, мастеров, бухгалтеров, впрочем, только в том случае, если они не получили по этому поводу настоятельных рекомендаций вышестоящих инстанций. Эти кадровые работники, в свою очередь, нанимают нужных им рабочих и мелких служащих. Надо видеть, как рабочие вынуждены унижаться, кланяться и даже делать подарки, давать взятки, чтобы их приняли на работу»¹²².

Чилига приводит распространенную в то время едкую шутку по поводу существовавшей системы: «У нас в России больше нет классов, есть только разные категории граждан». Среди этих «категорий» две главные едко обозначались русскими пролетариями при помощи слов «они» и «мы».

Эта обозначение отражало разделение общества на два класса: пролетариат, для которого, в конечном счете, ничего не изменилось, и класс, находящийся при власти. Пролетарская мудрость использовала уже подобное или даже худшее обозначение по поводу пресловутых отношений собственности, начиная со времен НЭПа (1921). Русские пролетарии говорили тогда: земля принадлежит «нам», а зерно «им», Баку принадлежит «нам», а нефть «им», заводы принадлежат «нам», а то, что они производят, – «им»¹²³.

В обыденной жизни пролетарский юмор касался этого пресловутого отношения. Когда появлялся поезд, в котором «ехали только бюрократы, специалисты и члены их семей, новые сливки общества», железнодорожники говорили: «Прибывает рабочий поезд»; напротив, когда речь шла о «рабочем поезде, грязном, забитом, с людьми, висящими на подножках», они торжественно объявляли: «Прибывает поезд для хозяев»¹²⁴.

Эти примеры более красноречивы, чем все разглагольствования по поводу «социалистических производственных отношений».

Новый правящий класс, по мнению Чилиги, состоял из двух главных ветвей: коммунистической бюрократии и беспартийной интеллигенции, включающей «специалистов», которых Сталин объявил «беспартийными большевиками» и которые имели, начиная с 1936 года, те же права, что и члены партии. Поскольку принцип остается таким же и сегодня¹²⁵, мы бы сказали, что имеются две головы: одна – «политическая», другая – «экономическая». Одна из этих двух составляющих интеллигенции связана с надстройкой, удерживающей в своих руках командные посты, а другая, с инфраструктурой строя, на которую возлагалось исполнение директив. Первая включает людей, занимавших постоянные посты, и функционеров партии, руководителей органов правления и государственных предприятий, а также личный состав армии и полицейского аппарата. Вторую составляют все интеллектуалы, «беспартийные большевики», которые не являются членами партии, от простого колхозного бюрократа до члена Союза писателей или Академии наук.

Эта доминирующая в советском обществе функция отражена в постановлении, принятом в 1963 году пленумом Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза: «Партия призывает советскую интеллигенцию помогать ей в формировании коммунистического мировоззрения. Нет сомнения в том, что дальнейший рост интеллектуального уровня всего советского народа необходим для построения действительно гуманного общества: коммунизма».

Вскоре после падения Хрущева была подчеркнута эта направленность: «О возрастающем стремлении работников умственного труда к более глубокому овладению теорией марксизма-ленинизма, использованию полученных знаний в своей профессиональной и общественно-политической деятельности свидетельствовали результаты проведенного в середине 60-х годов опроса, который показал, что 63,6% технической интеллигенции и 70,4% интеллигенции, занятой не на производстве (учителя, врачи, научные работники и др.), постоянно работали над повышением своего идейно-политического образования».

[...] Коммунистическая идейность советской интеллигенции, чувство коллективизма, глубокое понимание общественного долга, заинтересованное отношение к делу всего ярче и убедительнее проявились в росте ее общественно-политической и трудовой активности»¹²⁶.

С тех пор этому показательному явлению было посвящено несколько монографий. В одной из книг, вышедшей в 1968 году, объяснялось, что первичное ядро советской интеллигенции состояло из профессиональных революционеров. К ним присоединились представители старой интеллигенции, которых привлекало их видение мира и их политическая ориентация, близкая к народу и к социализму. Отмечалось также, что антиинтеллигентские махаевские «настроения», присутствующие в сознании части рабочих, усугубляли дело¹²⁷.

В двух других изданиях еще более настойчиво утверждалась эта мысль. Из них мы узнаем, что если интеллигенция насчитывала приблизительно один миллион человек в 1917 году, ее численность достигла 2 725 000 человек в 1926; 14 миллионов в 1939–1941, 20,5 миллиона в 1965 и около 37 миллионов в 1977 году. Иными словами, число работников умственного труда возросло в 37 раз за 60 лет. Для сравнения, в 1976 году рабочий класс насчитывал 73 миллиона человек, тогда как колхозники (крестьяне) составляли только 14,7 миллиона тружеников.

Это объяснялось тем, что якобы «опыт Советского Союза в создании социалистической интеллигенции приобрел всемирно-историческое значение, поскольку он отражает одну из закономерностей построения социализма, стал фактором прогресса человечества. Он подтвердил правильность идей марксизма-ленинизма в отношении принципов, путей и методов формирования социалистической интеллигенции, имеющих интернациональный характер. Советский Союз первым дал образец практического решения вопроса о роли и месте интеллигенции в социалистическом обществе, являющегося одним из сложных вопросов, возникающим перед рабочим классом после установления его власти в стране.

[...] Социализм вызвал к жизни новый исторический тип интеллигенции и осуществил на практике надежды и мечты прогрессивных мыслителей и художников прошлого о свободном и радостном труде на общее благо, в интересах всего народа»¹²⁸.

Согласно другому объяснению, все дело в «ускорении научно-технического прогресса» и в «культурном обогащении советского народа». Интересно отметить, что среди 37 миллионов работников умственного труда было 24 миллиона «специалистов» с высшим и средним специальным образованием, и что десятый пятилетний план развития народного хозяйства страны, который тогда осуществлялся, предусматривал подготовку 9,6 миллиона новых специалистов¹²⁹.

Редакторы коллективного (что свидетельствует о важности темы) труда, озаглавленного *Партия и интеллигенция*, озабочены опровержением спекуляций «буржуазной пропаганды» (читай «западных советологов»), которые, выдвигая аргумент численного увеличения интеллигенции, рассматривают ее как «новый правящий класс». Особо клеветническим считается выделение в рамках советской интеллигенции чиновников партии и государственного аппарата, как «новой правящей элиты». Цель этой «пропаганды» – противопоставить советскую интеллигенцию рабочему классу и колхозному крестьянству, нарушить их дружеские отношения».

Авторы приводят, однако, данные, свидетельствующие против них самих: 99,4% секретарей районных, областных и республиканских комитетов партии имеют дипломы о высшем образовании, около 70% из них инженеры, техники, экономисты и специалисты сельского хозяйства; 99,9% секретарей местных городских и сельских комитетов имеют высшее или незаконченное высшее образование, 60% из них специалисты промышленности и сельского хозяйства. Особый случай представляет Украина: здесь 80% секретарей местных комитетов городов являются специалистами промышленности и сельского хозяйства; а в местных сельских комитетах процент еще выше: 80,4%¹³⁰.

Привлекает внимание отсутствие «гегемона» – представителей рабочего класса – в руководстве всех этих органов, не говоря уже о «колхозниках», которые, вероятно, все очень заняты тем, что следуют инструкциям «специалистов».

Авторы утверждают также, что ни в одной капиталистической стране умственный труд не получает такого большого признания со стороны общества и правительства, как в СССР. Например, за время девятого пятилетнего плана (1971–1975) 448 представителей интеллигенции были награждены званием «Героя Социалистического Труда». За тот же период 1017 специалистов науки и техники, 177 писателей, актеров и архитекторов получили государственные премии. За это же время только 23 рабочих получили эти звания за совместное с учеными участие в научных работах. Благами «заслугократии» пользуются, таким образом, не все.

Это явление позволяет нам заметить «невооруженным глазом» правильность выводов Махайского. Оно дает нам также и в особенности ключ к проблеме выживания этого строя, в дополнение, по крайней мере, к объяснению его выживания благодаря чрезвычайной мощи полицейского аппарата. Начиная с 1917 года, этот строй не смог бы никак продержаться, если бы он не мог рассчитывать на участие, если не на активную поддержку старой интеллигенции, затем, если бы новое поколение интеллигенции, воспитанное в «партийном духе», не приняло эстафету. После того, как были заложены основания системы, установлены социальные опоры, механизм продолжал работать, утверждая по мере потребности «построение социализма» и уничтожение, вопреки всякой очевидности, антагонистических классов в этом обществе, и регулярно давались обещания скорого наступления коммунизма, чтобы пустить пыль в глаза тем, кто задавал себе, несмотря на все, вопросы о сохранении эксплуатации человека человеком в этом, все более расслоенном и иерархизированном обществе.

Это явное подтверждение значимости положений Махайского о марксизме и социализме засвидетельствовано

показательным отношением к нему в трех последовательных изданиях *Большой советской энциклопедии*.

В первом издании махаевщина определена, как «мелкобуржуазное реакционное течение, близкое к анархо-синдикализму». «Махайский развил теорию, согласно которой интеллигенция есть особый общественный класс, характеризующийся особым источником дохода, а именно – знаниями, и является поэтому классом паразитическим, живущим за счет труда рабочих и стремящихся к господству над всем обществом. Социализм, согласно этой теории, является особой идеологической формой обмана рабочих интеллигенцией, заинтересованной в порабощении пролетариата путем создания такого общества, где власть будет принадлежать монополистам знания и образования»¹³¹.

Во втором издании на смену холодному анализу приходит резкость, тон повышается: «враждебное марксизму анархистское течение. [...] Контрреволюционная и реакционная сущность ее выражается в злостной клевете и в шельмовании революционной *инеллигенции* в целях разжигания вражды между ней и рабочим классом. [...] Проявлением махаевщины явилось пренебрежительное отношение к советской интеллигенции со стороны отдельных лиц. ЦК Коммунистической партии призвал полностью выкорчевать остатки махаевщины»¹³².

По всей видимости, дело не было само собой разумеющимся, если судить по этой оборонительной позиции. Верно, что со времен Ленина многие инженеры и техники, на которых возлагалось повышение темпов производства, рост производительности, то есть эксплуатация, неоднократно становились жертвами расправ со стороны рабочих¹³³. Такие случаи происходили, должно быть, еще более часто в стахановский период в 1936–1939 годах.

Рассмотрим теперь версию, изложенную в последнем современном издании *Большой советской энциклопедии*, являющуюся основой концепций, преобладающих в настоящее время: «мелкобуржуазное анархистское течение, проповедовавшее враждебное отношение к интеллигенции и особенно к революционной. Лидер махаевщины – польский социалист Я.В. Махайский. [...] заимствуя у марк-

сизма теорию классового строения общества и идею классовой борьбы, определял понятие класса не по признаку отношения к средствам производства, а по способу получения дохода. Он выдвинул положение о том, что интеллигенция будто бы является также паразитическим классом, который “монопольно владеет знаниями”, живет за счет труда рабочих и готовит свое “грядущее мировое господство”; теория научного социализма объявлялась “чудовищным обманом рабочих” со стороны интеллигентов. Гл. социальной базой революции, по мнению махаевцев, являлись деклассированные элементы, т. к. квалифицированные рабочие якобы заинтересованы в сохранении своего привилегированного положения, а масса рабочих находится под влиянием социалистич. пропаганды. Махаевщина отвлекала рабочих от революц. борьбы, призывала бороться за “конкретные повседневные требования”, следуя в этом за “экономистами”»¹³⁴.

Этот вариант значительно отличается от двух первых. Он претендует кое-где на большую понятливость, но остается неточным во многих отношениях: Махайский становится «социалистом». При этом «забывают», что Махайский основывался как раз на месте, которое интеллигенция занимает в производственных отношениях, чтобы определить ее как класс. Не следует требовать от редакторов оглуляющей энциклопедии, которые и так были мастерами на все руки, чтобы они прочли Махайского и высказали свое мнение со знанием дела. Впрочем, анафема с него не снята до тех пор, пока его влияние сохраняется: «Коммунистическая партия всегда вела решительную борьбу с махаевщиной и с отдельными ее проявлениями в годы социалистического строительства»¹³⁵.

То есть до наших дней, поскольку брежневское общество не осуществило качественный прыжок к коммунизму.

Благодаря этим следовавшим друг за другом пересмотрам можно понять постоянное затруднительное положение режима, который сделал из интеллигенции – объекта критики – своего главного сторонника и основную опору.

В современном «капиталистическом» мире возрастающая сложность экономики и рыночных отношений требует все более многочисленной и компетентной рабочей силы. Престиж интеллигенции очень высок, ее участие востребовано во всех активных секторах системы. Усложняющееся разделение труда требует наиболее подходящих возможностей использования. Рационализация и организация труда влекут за собой развитие так называемых гуманитарных наук, которые формируют в изобилии «социальных работников», предназначенных в качестве паллиатива для исправления сбоев в механизме общества. Целые батальоны социологов, психологов, урбанистов и других специалистов по психологической обработке берут на себя заботу о смазке механизма и устранении «песчинок», сбивая с толку проявления подрывного поведения, естественные реакции пролетарских масс.

По мере усложнения задач управления, наблюдения и контроля возрастает роль государства и бюрократии. В его мельчайших щелях кишит интеллигенция, стремясь стать послушной марионеткой предрежащего власть клана. Все эти подпевалы государства сведущи только во вспомогательных средствах «современного» капитализма: плановом и государственном регулировании экономики, технократии, и занимаются только производительностью, доходностью, конкурентоспособностью, охотно сравнивая различные модели «роста». Их притязания подталкивают их заниматься «рентабельностью» и «социальными» проблемами, но, разумеется, оставаясь при этом на стороне власти, поскольку их души мелких начальников и их способности могут найти удовлетворение только на уровне «ответственных должностей».

Забота об общественном благе, коллективном интересе логически приводит их к тому, что они провозглашают себя социалистами. А кто не может быть социалистом? Нет ничего более туманного, более лживого. Тем более, что понятие прогресса, внутренне присущее социализму, ведет правителей и подчиненных к полному единству взглядов, интересов и чувств, и выходит на социальный консенсус, стабилизирующий установленные отношения. Все, что не

идет в этом направлении, может быть только ретроградным, реакционным или утопическим и автоматически дискредитируется.

Это заранее готовые сторонники государственного социализма, системы, которая наилучшим образом отвечает их интересам благодаря признанному социальному статусу, гарантированному месту работы и сознанию полезного «служения» коллективу.

Во Франции эти константы существуют, в особенности после появления якобинской модели, символа централистской государственной структуры. Новое божество «разум» получает в ней функцию искупления. Интеллигенция, разумеется, левая, любит по нынешним временам разглагольствовать с полной серьезностью о соответствующих достоинствах своих различных экзотических ухищрений.

Здесь до сих пор безраздельно господствовала марксистская идеология: считалось хорошим тоном раздавать друг другу марксистские свидетельства, не подлежащие сомнению знаки серьезности и залог соответствующего повышения производительности.

Французская социал-демократия представлена двумя конкурирующими главными направлениями: «миролюбивым», известным своими традиционными компромиссами с капиталистической буржуазией, и «воинствующим», тащущимся до сих пор вслед за ленинско-сталинской моделью (отвратительное обличье которой становится, однако, компрометирующим), не считая многочисленных зависимые от них «левацкие» секты.

Все яростно спорят друг с другом из-за наследия буржуазии. Если методы и различны, цель одна: завоевание политической власти и рациональное и эффективное управление рыночной экономикой, то есть управлять капиталом лучше, чем это делают капиталисты. Это последнее амбициозное стремление напрасно, если судить по известным на сегодняшний день опытам, которые имели весьма жалкие, дабы не сказать катастрофические, результаты. К несчастью для этой социал-демократии капитализм оказался значительно более живучим, чем они думали. Этот умирающий хорошо себя чувствует, несмотря на многочис-

ленных социалистических докторов «Диафуарусов»¹³⁶, постоянно предсказывавших его скорую кончину. Он сумел легко преодолеть самые большие препятствия, которые должны были стать для него фатальными: всеобщее избирательное право, войны, распад колониальной системы, а в особенности замечательное развитие продуктивных сил, которое, по Марксу, должно было вырыть ему могилу. Он благополучно и без особых противоречий прошел через все это. Капитализм даже все время подкармливался благодаря критике, которой он умело пользовался, чтобы придать своему поступательному движению новый импульс. Она ему позволяла время от времени вызывать экономические спады, «кризисы», которые он использовал, чтобы избавиться от непродуктивных и устаревших производств для модернизации и увеличения прибыли, а также для того, чтобы напомнить плебейским массам о жестких превратностях – лучший способ держать их в спокойствии и покорности, по крайней мере, до тех пор, пока они будут мириться с тем, что какие-то партии и организации говорят и действуют от их имени.

Само собой разумеется, что активисты социал-демократии приплясывают от нетерпения прошептать когортами по коридорам власти и получить возможность показать, наконец, свое умение. Подрастающие поколения сгорают от нетерпения, чтобы показать себя и спешно открещиваются от прошлых поражений старших поколений. Главное для них собрать плоды своей образованности, придать вес своему «капиталу» компетентности. Естественно, их терпение ограничено, и по истечении некоторого времени, устав от ожидания в приемном покое, они откусывают от запретного плода и усердно переходят на сторону действующей власти, становясь, таким образом, хорошими мелкими кадровыми работниками. Такой путь стал классическим.

Еще одна общая черта всех социал-демократов – их способность поддерживать «художественный туман» о будущем, которое должно быть светлым, о времени, когда наступит настоящее освобождение, короче говоря, о коммунизме. Их цель состоит исключительно в «средствах», в социалистическом пути, когда они смогут, наконец,

рентабельно вести переговоры о своем маленьком капитале.

Современный социализм стал стеной плача для «революционеров» нашего времени. Практические применения, которые основываются на нем, соперничали между собой в установлении политических режимов угнетения, или же они настолько погрязли в реформизме, что закончили тем, что стали воплощением своего рода капитализма с «человеческим лицом». Как бы там ни было, социализм несет очевидную ответственность, не привлекавшую до сих пор достаточного внимания, за выживание капитализма. Провал его проекта освобождения рабочего класса может сравниться только с банкротством его апокалиптического пророчества о судьбе капитала.

Еретические выводы и пророчества Махайского получили подтверждение самим ходом истории и помогают прояснить два жизненно важных для революционного проекта вопроса: провал социализма и загадка долговечности строя, установленного в СССР. Обычное объяснение вскрывает основной недостаток социализма: желание все определить только через коллективную собственность на средства производства, не затрагивая ни разделения труда, ни рыночных отношений, вопросы отодвигаемые в неопределенное будущее. Социалистический проект соответствует, таким образом, появлению новой движущей социальной силы, которую мы будем называть «капиталистами знания».

Новизна эгалитаристской критики Махайского состояла в его определении знания не только как превосходящей и особой рабочей силы и т. п., но и как капитализированного средства производства, рентабельного для своего владельца, передаваемого из поколения в поколение и первым получающего выгоду от роста капиталистической производительности. Поскольку функции руководства и управления тесно связаны с возможностью принятия политических решений, социалистическая интеллигенция, новая знать, может в этом случае попытаться с пользой для себя руководить и управлять капиталистическим производством, частным или коллективизированным, но по-прежнему

рыночным, не разрушая систему эксплуатации, или, еще лучше, усовершенствовав ее и обеспечив ее продолжительность.

Означает ли это, что каждый интеллеktуал является или мог бы стать антипролетарием? Все зависит от того, как он использует свои «компетенции», в сфере чисто консультативных и исполнительских функций или в сфере принятия решений.

Речь идет о том, чтобы особо подчеркнуть политическую направленность знания, почти всегда связанного с господствующей властью, и социальные и политические изменения, которые влечет за собой разделение труда в индустриальном обществе.

Эти изменения оказали влияние на практику классовой борьбы, которая больше не сводится к одной антагонистической паре «капиталисты – пролетарии», а распространяется на важные в наше время ответвления, такие, как «работники умственного труда – работники физического труда» и в особенности «руководители – исполнители».

В этой ситуации пролетариат по-прежнему может рассчитывать только на самого себя, став на независимый критический путь и взяв за основу систематический отказ от всякой пассивности, примиренчества и от всяких отношений зависимости, утверждая свою собственную волю против игр в вопросы–ответы, навязываемых профессиональными идеологами, против всех попыток приведения в математическое уравнение.

Нет магического слова «эврика», ни модели, которая принесла бы неизбежный успех. Есть ясное осознание поставленных целей и историческое действие, коллективное прямое и непосредственное.

Александр Скирда,
декабрь 1978 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И КОММЕНТАРИИ

1. К 1900 году многие труды Маркса, Энгельса и Каутского были переведены на русский язык; кроме того, в России многие свободно владели немецким языком, и, таким образом, русская интеллигенция могла знакомиться с марксизмом по изданиям на языке оригинала. См. по этому поводу: Claudie Weill, *Marxistes russes et Social-Démocratie allemande (1898–1904)*, Paris, Maspero, 1977.

2. На эту тему в специальных англоязычных журналах было опубликовано несколько статей: Paul Avrich, «What is “makhaevism”?», *Soviet Studies*, juil. 1965; Marshall Shatz, «J.W.Makhajski. The conspiracy of the intellectuals», *Survey*, n° 2, janv. 1967; и «The makhaevists and the russian revolutionary movement», *International Review of social history*, 1970, vol. XV, 2^e partie. В этом же журнале, издаваемом Международным институтом социальной истории в Амстердаме, см. также: Anthony d’Agostino, «Intelligentsia, socialism and the worker’s revolution: the views of J.W.Makhajski».

Следует отметить также работы бывшего сторонника Махайского Макса Номада: Max Nomad, *Aspects of revolt*, New York, Waldon Press, 1959, с. 96-117; *Dreamers, Dynamiters and Demagogues*, New York, Waldon Press, 1964, с. 103 et с. 201-206. Номад опубликовал также в журнале *La Révolution prolétarienne*, n° 163, 10 ноября 1933 под заглавием «Le socialisme des intellectuels» («Социализм интеллектуалов») обезличенную статью на эту тему, в которой не упоминается имя Махайского. Другая его статья была напечатана во французском переводе в *Le Contrat social*, сентябрь 1958: «Un méconnu, W. Makhaïski?».

Основные работы Махайского были переизданы на русском языке с предисловием Альберта Парри на английском языке и введением Р.Н. Редлиха на русском, *Ослепленный утопией*. А.Вольский (литературный псевдоним Махайского), *Умственный рабочий*, New York, Baltimore, 1968. Для большего удобства мы будем ссылаться на это издание.

Махайский, поляк по национальности, издавал свои труды только на русском языке и интересовался только Россией. Это может показаться странным, если учесть, насколько распространены и как сильны националистические тенденции в Польше.

За единственным исключением все его работы были изданы в Женеве очень маленьким тиражом. Ставшие библиографической редкостью, работы Махайского можно найти в следующих библиотеках:

- Библиотека современной международной документации в Нантерре (пригород Парижа);
- Женевская университетская библиотека;
- Международный институт социальной истории, г. Амстердам (МИСИ).

После смерти Макса Номада, поклонник и последователь Махайского, его архив принял на хранение МИСИ г. Амстердама. Архив содержит главным образом печатные работы и небольшую папку с критическими статьями, опубликованными в советской прессе. Наибольший интерес представляет краткая биография, занимающая двенадцать страниц большого формата, написанная вдовой Махайского по просьбе Макса Номада в 1934 году, во время ее краткого пребывания во Франции. В этом архивном фонде имеется также копия неоконченной и ранее не издававшейся рукописи, датированная 1911 годом в Париже. Этот документ представляет собой негативную фотокопию, которую почти невозможно прочесть; та небольшая часть, которую нам удалось расшифровать, не показалась нам оригинальной по сравнению с предшествующими работами Махайского. Работы Махайского никогда не переводились на другие языки, за исключением нескольких цитат в указанных выше статьях на английском языке.

3. Польша в то время была разделена между Австрией, Германией и Россией.

4. *Neue Zeit*, № 36-3, 1895. Цитируется Махайским: ср. А.Вольский, *Умственный рабочий*, с. 63.

5. *Эволюция социал-демократии*, в: А.Вольский, *цит. раб.*, с. 75.

6. *Там же*.

7. *Там же*, с. 41 (более позднее предисловие, написанное в 1905 году).

8. *Там же*, с. 42.

9. Л.Д. Троцкий. «Воспоминания о моей первой ссылке» – *Каторга и ссылка*, № 5, Москва, 1923, с. 91-95.

10. *Там же*.

11. Л.Д. Троцкий. *Моя жизнь*. Берлин, 1953, т. 1, с. 153-154.

12. *Там же*, с.156 и Л.Д. Троцкий, *О Ленине*, Москва, 1924, с. 8-9.

13. *Буржуазная революция и рабочее дело*. Женева, 1905, с. 59-60.

14. *Эволюция социал-демократии*, *цит. раб.*, с. 44.

15. *Там же*.

16. Там же, с. 43.
17. *Буржуазная революция и рабочее дело*. Женева, 1905, с. 56-57.
18. *Эволюция социал-демократии, цит. раб.*, с. 43.
19. Там же, с. 45.
20. Этот отрывок отсутствует в классическом французском переводе Жозефа Руа, хотя он имеется в немецком оригинале и русском переводе. Это объясняется прямыми изменениями, внесенными самим Марксом, чтобы «сделать перевод более доступным читателю» («Обращение к читателю», написанное Марксом для французского издания). Этот отрывок был восстановлен в издании Максимилиана Рюбеля, в приложении (*Économie*, т. 1, с. 1650) французского издания: Karl Marx, *Œuvres, Économie*, Paris, Gallimard, bibl. de la Pléiade, 1965 и 1968, 2 vol., мы также ссылаемся на русское издание: К.Маркс и Ф.Энгельс. *Сочинения*. Москва, 1960, т. 23, *Капитал*, с. 208-209.

В другом отрывке, касающемся *Критики Готской программы*, Маркс возвращается к этой же теме: «Несмотря на этот прогресс, это *равное право* в одном отношении все еще ограничено буржуазными рамками. Право производителей *пропорционально* доставляемому ими труду; равенство состоит в том, что измерение производится *равной мерой* – трудом.

Но один человек физически или умственно превосходит другого и, стало быть, доставляет за то же время большее количество труда или же способен работать дольше; а труд, для того чтобы он мог служить мерой, должен быть определен по длительности или по интенсивности, иначе он перестал бы быть мерой. Это *равное* право есть *неравное* право для *неравного* труда. Оно не признает никаких классовых различий, потому что каждый является только рабочим, как и все другие; но оно молчаливо признает *неравную индивидуальную одаренность*, а следовательно, и *неравную работоспособность* и естественными привилегиями. *Поэтому оно по своему содержанию есть право неравенства, как всякое право*» (К.Маркс и Ф.Энгельс, *Сочинения*, т. 19, с. 19).

Отметим неоднозначность измерения труда, его длительности и интенсивности, которая дает почву для всяческих домыслов.

В третьей книге *Капитала* Маркс затрагивает вопрос об «особой зарплате директора». Он обосновывает вначале необходимость самой функции: «Труд по надзору и управлению необходимо возникает всюду, где непосредственный процесс производства имеет вид общественно-комбинированного процесса, а не яв-

ляется разьединенным трудом самостоятельных производителей» (К.Маркс и Ф.Энгельс, *Сочинения*, т. 25, часть 1, с. 422).

Затем Маркс противоречит сам себе: он считает нормальным, что «наемный рабочий, подобно рабу, тоже должен иметь господина, который заставлял бы его работать и управлял бы им. А раз предположены эти отношения господства и подчинения, будет в порядке вещей, что наемный рабочий вынуждается производить свою собственную заработную плату и сверх того плату за надзор, компенсацию за труд по управлению и надзору за ним» (К.Маркс и Ф.Энгельс. *Сочинения*, т. 25, часть 1, с. 424).

В этом его выводы совпадают с анализом Махайского. Затем он повторяет свое обычное утверждение «Заработная плата какого-нибудь епитропос (*управляющего*), или régisseur, как он назывался в феодальной Франции, совершенно отделяется от прибыли и принимает форму заработной платы за квалифицированный труд... [...] вознаграждения управляющему, которое составляет часть затраченного переменного капитала совершенно так же, как заработная плата остальных рабочих...» (К.Маркс и Ф.Энгельс. *Сочинения*, т. 25, часть 1, с. 425-427).

Таким образом, оказывается, что функция руководства и надзора более полезна и необходима простым рабочим, чем их хозяевам! Маркс подтверждает тем самым обоснованность критики Махайского.

21. *Умственный рабочий*, с. 170-171.

22. *Там же*, с. 149-150.

23. *Там же*, с. 223.

24. *Там же*, с. 49.

25. *Там же*, с. 50.

26. *Там же*, с. 45.

27. Будущий лидер большевистской фракции в Думе, затем редактор газеты *Известия*.

28. Среди которых были и социал-демократы, хорошо осведомленные о его неприязненном отношении. Другие времена, другие нравы.

29. *Умственный рабочий*, с. 155-161.

30. Петр Гарви. *Воспоминания социал-демократа*. Нью-Йорк, 1946, с. 287-293 (книга написана в 1935 году в Париже). Впоследствии Гарви стал меньшевиком, а затем, после революции, эмигрировал во Францию и потом в Соединенные Штаты.

31. *Там же*, с.292.

32. Ян Вацлав Махайский. *Буржуазная революция и рабочее дело*, Женева, 1905, с.12.

33. Примечания переводчика в кн.: К.Маркс. *Святое семейство*, Санкт-Петербург, 1906, с.47-48.

34. *Банкротство социализма XIX века*. Женева, 1905, с.29.

35. Л.Н. Сыркин. *Красная летопись*, № 6 (33), 1929, с. 182-212 и № 1 (34), 1930, с. 117-145. Эти статьи затем были переизданы в виде брошюры.

36. *Рабочий заговор*, № 1, сент.-окт. 1907, с. 75, напечатано в январе 1908 в Женеве.

37. *Там же*, с. 74 и с. 25-26.

38. В одном из своих романов Жеромский его описывает как революционного героя по имени Радек. Привлекательность этого персонажа побудила молодого Карла Соберсона, преисполненного энтузиазма, взять это имя в качестве псевдонима. Он стал одним из большевистских руководителей, известным как Карл Радек и, естественно, не знал, кому он должен быть за это благодарен.

39. Цитируется Верой Махайской в ее воспоминаниях (рукопись на десяти страницах, часть архива М.Номада, хранящегося в Международном институте социальной истории в Амстердаме).

40. Полный текст *Рабочей революции* воспроизведен в переиздании трудов Махайского: *Умственный рабочий*, с. 401 и сл.

41. *Там же*, с. 402.

42. *Там же*, с. 402-407.

43. Он получил это место должно быть благодаря очень активной в то время организации бывших «ссылных и каторжников».

44. *Дело труда*, № 11, Париж, апрель, 1926, с. 5-8.

45. Saint-Simon et Enfantin, *Œuvres complètes*, Paris, 1863, т. XX, с. 181.

46. *Там же*, т. XXIII, с. 83.

47. *Doctrine de Saint-Simon*. Exposition, première année, 1828-1829, Paris, 1831, с. 92.

48. *Там же*, с. 193-194.

49. *Там же*, с. 209.

50. *Там же*, с. 247.

51. *Там же* (lettre à M. le Président de la Chambre des députés, par Bazard et Enfantin), с. 5.

52. Назовем среди прочих *Рукописи 1844 года, Немецкая идеология*, ставшие известными только после 1932 года, *Письмо Вере Засулич*, текст и черновики и т. д. Читателя ожидают, возможно, еще другие неожиданности в связи с публикацией полного текста переписки Маркса и Энгельса и других неизданных ма-

териалов, хранящихся в Международном институте социальной истории в Амстердаме (в архиве немецкой социал-демократии).

53. Мы имеем в виду многочисленные сектантские варианты, которые получили особое распространение с возникновением ленинизма, этого «бланкизма под татарским соусом», по меткому выражению Шарля Раппопорта, восходящему к 1918 году (до того, пока он сам не прошел через «ленинско-татарскую» трансформацию).

Самым показательным примером этого стало кровавое превращение Сталина, который пускал в расход «людей, самый ценный капитал».

54. Для лучшего понимания Маркса см. работы Л.Лора (Отто Махель, 1898-1977): *L.Laurat (Otto Machl) Le Marxisme en faillite?*, Paris, 1939; *Le Manifeste communiste de 1848 et le monde d'aujourd'hui*, Paris, 1948, а также другие труды и статьи, опубликованные, в частности, в *Le Contrat social* (1957-1968) и в *La Revue socialiste*. Эти работы дают представление о «марксистском» вкладе.

Для более глубокого ознакомления со взглядами самого Маркса следует обратиться к изданиям Максимилиана Рюбеля: *Maximilien Rubel (цит. раб.)*, а также к другим книгам этого автора: *Karl Marx, Essai de biographie intellectuelle*, Paris, Rivière, 2-е изд., 1971, и *Marx, critique du marxisme*, Paris, Payot, 1974.

55. Манифест коммунистической партии, *цит. раб.*, т. 4, с. 434.

56. *Там же*, с. 437.

57. *La Première Internationale, recueil de documents publié sous la direction de J.Freymond*, Genève. 1962, т. II, с. 68 и 373.

58. Приветствие по случаю создания МАТ, написанное Марксом, *собр. соч.*, т. 19, с. 467.

59. «Письмо к юрским товарищам», в *Archives Bakounine*, Leiden, 1965. т. III, с. 204.

60. М.Бакунин. *Государственность и анархия*, второе издание, Петербург-Москва, 1922, с. 67-68.

61. *Там же*, с. 233-235.

62. Эти записи Маркса были впервые опубликованы Рязановым в *Летописи марксизма*, II, 1926, с. 60-102.

63. Слово *ученый* в русском языке обозначает не только эрудита, человека, занимающегося наукой, но и любого человека высокой культуры. Этот термин близок к понятию «образованный, ученый мир», о котором говорит Махайский.

64. Петр Кропоткин. *Хлеб и воля*. «Голос труда», Москва, 1922, с. 65-66.

65. Карл Маркс и Ф.Энгельс. *Собр. соч.*, т. 23, с. 181.

66. Этот принцип был затем сведен при ленинско-сталинском «социалистическом» строе к простой санкции: «Кто не работает, тот не ест!», которая позволила, между прочим, выстроить зарплаты по шкале от 1 до 150, например, от минимальной зарплаты уборщицы в 60 рублей до зарплаты академика, составлявшей 5000 рублей, не считая машины, личного шофера, дачи и пайков.

67. Karl Marx, *цит. раб.*, по-французски, т. I, с. 1651-1652.

68. Карл Каутский, *Интеллигенция и социалдемократия*. Санкт-Петербург, 1906, с. 6-27.

69. Петр Струве. *Интеллигенция и революция* в сборнике *Вехи*, о Русской интеллигенции, Москва, 1909, с. 158. Этот сборник, посвященный русской интеллигенции, содержит отречения многих видных русских марксистов, напуганных революционным порывом 1905 года.

70. Август Бебель. *Интеллигенция и социализм*. Речь, произнесенная 14 декабря 1897 г., в Берлине. Русск. перевод, Санкт-Петербург, 1906, с. 25-26.

71. Hubert Lagardelle. *Les intellectuels devant le socialisme*. Беседа 14 декабря 1900, в Les Cahiers de la quinzaine, Paris, 1901, с. 22.

72. Georges Sorel. *Matériaux d'une théorie du prolétariat*, Paris, Rivière, 1929, с. 97 (работа написана в 1898).

73. Б.И. Горев, в кн.: Политические и антипарламентские (анархистские, максималистские, махаевские) группы в социальном движении в России в начале XX века. Под редакцией Мартова, Маслово и Потресова, т. III, книга 5, с. 474 и 523.

74. *Потемкин* сдался румынским властям.

75. Письмо Матюшенко, адресованное своим «бывшим учителям», *Буревестник*, № 5, Париж, 30 апреля 1907, с. 6 (анархо-коммунистский журнал).

76. Раскол партии эсеров на основе «максимальной» программы.

77. *Против течения*. Санкт-Петербург, № I, 20 февр. 1907, с. 14.

78. Евгений Лозинский. *Что же, наконец, интеллигенция?*, Санкт-Петербург, 1907, с. 162.

79. *Против течения*, № 3, с. 14.

80. Евгений Лозинский. *Что же, наконец, интеллигенция?*, с. 183.

81. *Там же*, с. 185, 233-234.

82. Книга вышла в Санкт-Петербурге. Гораздо позже, в 1928

году, Лозинский опубликовал в Кременчуге свой последний труд: *Революционная роль права и государства в эпоху диктатуры пролетариата*, который, за исключением нескольких намеков, не имел ничего общего с его предшествующими работами.

83. Макс Номад в своих работах, на которые мы уже ссылались, усматривает в идеях Махайского скрытую якобинско-диктаторскую подоплеку. С одной стороны, мы не обнаружили ничего подобного в самих работах Махайского, и это нам представляется несовместимым ни с основными положениями, ни с личностью Махайского. С другой стороны, Номад выдвигает эти соображения только в 1934 году, хотя он уже около двадцати лет знал работы Махайского, когда встретился с вдовой Махайского (которую считал его «теоретическим наследником», – слишком большая честь, на наш взгляд) во время ее непродолжительного пребывания во Франции. Он явно «подтасовывал» эту «гипотезу». Поэтому подобное обобщение не представляется нам убедительным. Работы Махайского самодостаточны: у него не было никакого намерения подражать тем, кого он клеймил.

84. Иванов-Разумник, *Что такое махаевщина?* Санкт-Петербург, 1907.

85. Русские публицисты, Дмитрий Писарев был зачинатель «нигилизма».

86. В русском языке слово «разночинец» употреблялось для обозначения простолюдина, занимавшего мелкую чиновничью должность и не принадлежавшего ни к дворянству, ни, собственно говоря, к буржуазии.

87. Виктор Чернов. *Конструктивный социализм*, Прага, 1925.

88. *Интеллигенты и революция*. Рецензия на книгу Лозинского «Что такое интеллигенция?», напечатанная в *Листках* журнала *Хлеб и Воля*, Лондон-Женева, 1907, № 15 (Ветров – псевдоним Израеля С.Бланка).

89. *Буревестник*, № 10-11, март-апрель 1908, с. 31-32.

90. К.Оргеани. *Об интеллигенции*, Лондон, 1912.

91. Сыркин, *цит. раб.*, с. 133.

92. Robert Michels. *Les Partis politiques, Essai sur les tendances oligarchiques des démocraties*, Paris, 1914, с. 16. Это французское издание подверглось незначительному сокращению по сравнению с немецким, вышедшим в 1911 г. Книга была переиздана издательством Фламарион в 1971 и 1978 гг.

93. *Там же*, с. 17.

94. *Там же*, с. 61.

95. *Там же*, с. 63.

96. Там же, с. 241.
97. Там же.
98. Там же, с. 288.
99. Там же, с. 290.
100. Там же, с. 294.
101. Там же, с. 301. Робер Мишель применил тот же метод для анализа итальянской социалистической иерархии в книге *Le Prolétariat et la bourgeoisie dans le mouvement socialiste italien, particulièrement des origines à 1906, essai de science sociographico-politique*, Paris, Giard et Brière, 1921, 356 с.
102. В.И. Ленин, *Что делать?* Полн собр. соч., т. V, с. 355 и 393 (работа написана в 1902 году).
103. *Цит. раб.*, т. XXXIV, с. 330 и 335.
104. *Цит. раб.*, т. XXVII, с. 316.
105. *Цит. раб.*, т. XXXIII, с. 249.
106. Всероссийская перепись членов российской коммунистической партии 1922 г. показала наличие в ней многих десятков тысяч бывших анархистов, меньшевиков, эсеров и членов Бунда (см. Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 года), не считая всех тех, кто пристроился в структурах государственного аппарата.
107. К. Паустовский. *История моей жизни*, Москва, 1962, т. II, с. 154.
108. *Цит. раб.*, т. XXXVI, с. 547 (26 декабря 1922).
109. Georg Lukacs. *Histoire et Conscience de classe*, Paris, Éd. de Minuit, 1960, с. 63 (написана в 1920).
110. Théodore Dan et Julius Martov, *La Dictature du prolétariat*, Paris, 1947, с. 28-29.
111. Там же, с. 30.
112. Там же, с. 31.
113. Л.Д. Троцкий. *Рабочее государство, термидор и бонапартизм*, Бюллетень оппозиции, № 43, апрель 1935, с. 5.
114. Там же, с. 7. За истекший промежуток времени Троцкий вспомнил о критике Махайского для того, чтобы ввести в замешательство хулителей «бюрократии».
115. Л.Д. Троцкий. *Наши политические задачи*, Женева, 1904, с. 54.
116. См., например, A. Michelson, *L'Essor économique de la Russie avant la guerre de 1914*, Париж, Pichon et Durand-Auzias, 1965.
117. Ср. Огановский. *Крестьянское хозяйство в России XX века*, Москва, 1923.

118. К.Маркс, «Письмо Вере Засулич», *цит. раб.*, т. XXXV, с. 137.

119. Ср. Bruno R. (Rizzi). *La Bureaucratization du monde*. Книга, изданная автором в августе 1939 года (350 с.), сразу же была запрещена, изъята и уничтожена, поэтому стала библиографической редкостью. Часть книги переиздана в 1976 г.: l'URSS: collectivisme bureaucratique, éditions Champ Libre, 107 с.

120. James Burnham. *L'Ère des organisateurs*, Париж, Calmann-Lévy, 1947.

121. Milovan Djilas. *La Nouvelle Classe*, Париж, Plon, 1957.

122. Anton Ciliga. *Sibérie, terre de l'exil et de l'industrialisation*, Париж, Les îles d'or, 1950, с. 119-120.

123. *Там же*, с. 122.

124. *Там же*.

125. Напомним, что наша работа написана в 1978 году, и поэтому некоторые формулировки могут казаться современному читателю устаревшими (примечания автора, октябрь 2003).

126. *Советская интеллигенция*. Краткое описание, 1917-1975, Москва, 1977, с. 252.

127. *Советская интеллигенция*. История формирования и роста: 1917-1965. Москва, 1968, с. 9-11.

128. *Советская интеллигенция*. Краткое описание, с. 315.

129. *Партия и интеллигенция*. Москва, 1977, с. 34. Четверть специалистов были членами партии.

130. *Там же*, с. 253.

131. Москва, 1938, т. XXXVIII, с. 493.

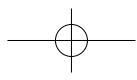
132. Москва, 1954, т. XXVI, с. 544.

133. В.И.Ленин. Полн. собр. соч., т. XLII, с. 404: «убийства инженеров рабочими на обобщественных шахтах не только на Урале, но и в Донбассе» (1922).

134. Москва, 1974, т. XV, с. 520.

135. *Там же*.

136. Персонаж комедии Мольера, который всегда предсказывает всякому больному близкую кончину.

Социалистический обман

Предисловие ко 2-му французскому изданию 2001 г.

Что происходит с книгой, подобно мушкетерам Александра Дюма, двадцать лет спустя после ее издания?¹ Ответ зависит от подтверждения обоснованности интереса, который она представляет, и ее актуальности. Богатый событиями конец XX столетия был отмечен неожиданным переворотом в ценностях, вызванным исчезновением *реально* существовавшего социализма и видимым триумфом либерального капитализма. Это произошло не без усиления тенденции к замешательству в умах, уже просматривавшейся в манипуляции значениями, которую олицетворяет в наших глазах термин «фасадность», используемый архитекторами и урбанистами для обозначения перестройки старого здания, при которой оно полностью разрушается изнутри, но при этом сохраняется фасад. Иначе говоря, это метод, используемый для того, чтобы выхолостить из слов их истинное содержание. Рассмотрим это явление в масштабах Франции.

Одна из настенных надписей мая 1968 призывала «воображение к власти»! Это пожелание в духе поэта Артура Рембо было удовлетворено, но не в творческом или игровом смысле, который в него тогда вкладывался, а напротив, лукаво и антагонистически: думающие головы, которые нами правят, и находящиеся при них мастера по созданию общественного мнения сумели приспособить свой шаблонный язык к «постмодернизму» и разработать «бархатный язык», систематически использующий эвфемизмы, цель которого – сглаживание социальных шероховатостей. Так, сегодня не принято говорить «начальник отдела кадров» или «заведующий отделом в магазине», а «директор по людским ресурсам» и «менеджер». Слово «забастовка», несущее в себе напряжение, все чаще пытаются заменить выражением «социальное движение», неопреде-

* Знаменитый французский священник выступает всячески в пользу обездоленных

ленным по своей сущности. Среди самых замечательных находок последнего времени приведем термин «облегчитель» («менеджер по созданию благоприятных условий»), используемый для обозначения человека, на которого возлагается обязанность улаживать рабочие конфликты между дирекцией и персоналом! Параллельно с этим слова и выражения, ставшие устаревшими или компрометирующими, исчезают из политической терминологии, как, например, «диктатура пролетариата», «научный социализм» и «исторический материализм». Таким образом, необходимо постоянно подтверждать «правильность употребленного названия» для использованных слов.

Рассмотрим термин *социализм*. Что осталось от его когда-то существовавшей программы, кроме показного внимания, в духе аббата Пьера*, к «социальной проблематике» и демагогического искусства не плодить недовольных, следующего ритму избирательных кампаний? Он все больше похож на нож «без лезвия, и которому к тому же не хватает ручки» из известного афоризма Лихтенберга! Что касается термина *интеллектуал*, он испытал различные изменения: он был поочередно обязательно «левым», партийным, органическим, замешанным, критическим, умократом, пролетароидом (?!), а в последнее время стал «терминальным» (сокращенно Т.И.)!

Таким образом, необходимо снова напомнить точное значение «социализма интеллектуалов»: это – идеологическая система, возникшая в XIX веке и стремящаяся к уничтожению эксплуатации человека человеком, то есть власти капиталистических собственников на средства производства, чтобы заменить их на рабочий класс, носителя социального прогресса, пришествие которого должно стать началом свободного общества производителей. Это должно произойти путем завоевания государственной политической власти партией, объединившей самых сознательных представителей индустриального пролетариата, его авангард. Интеллигенция должна помочь этому авангарду осуществить эту сложную миссию. В действи-

* Квартал Парижа, считавшийся с 1950 г. столицей левых интеллектуалов

тельности эта «помощь» не была бескорыстной и скрывала собственные амбиции «работников умственного труда» стать на место прежних собственников, чтобы продлить существование эксплуататорского строя в свою пользу. Так Ян Вацлав Махайски анализировал социализм и тех, кого мы определили как «капиталистов знания», использующих свою компетенцию, чтобы осуществлять функции руководства и управления в современном обществе, как «капитал», с которого они получают ренту всю свою жизнь и который они могут, кроме того, передать по наследству. Капиталистическое общество расслаивается вследствие этого между двумя антагонистическими полюсами труда: сложные и умственные задачи сосредоточены в мозгах небольшого числа интеллектуалов, тогда как на противоположном полюсе задачи крайне упрощены, сводятся к физической работе и не требуют никакой инициативы. Иначе говоря, с одной стороны – командование тех, кто «знает», с другой – механическое подчинение «непросвещенных». Речь идет не только об интеллигентах из Сен-Жермен-де-Пре*, профессиональных «подписантах петиций», часто покрывавших в порыве «доброты душевной» самые худшие преступления во имя счастья человечества, а обо всех тех, кто идет на службу к власти, какой бы она ни была, лишь бы их «выдающиеся знания и способности» были признаны и оценены. Напомним определение, которое им дал Жорж Сорель: «Интеллектуалы не являются, как часто говорят, людьми, которые мыслят: это люди, для которых *мыслить стало профессией и которые взимают аристократическую зарплату под предлогом благородства этой профессии*»². Кроме существенной прибыли, они пользуются социальным статусом «неприкасаемых», поскольку трудятся во благо общества, проявляя очевидное предпочтение к пресвятой «государственной службе». Следует, разумеется, проводить различие между умственной деятельностью, на которую способен каждый, и ее отдельным использованием, то есть ее профессионализацией в экономических, социальных и политических рамках.

Дипломы и специальное образование заменяют дворянские и продажные должности прошлых времен. Можно ли

считать капиталиста знания, ставшего «капиталистом имущества», синонимом интеллектуала? К сожалению, по-видимому, можно, так как, выйдя из своей ниши, где зачастую он уже достиг своего «порога некомпетентности», он изгоняет всякое любопытство и располагает только собственным самодовольствием и самоуверенностью, для того, чтобы понять реальную жизнь людей. Что касается его политического идеала, он стремится к всеобщему социальному контролю, воплощенному в государстве, а лучше всего в государственном социализме, открыто признанном или нет, лишь бы он был гарантом его заслуг и завоеванного положения. Исследование Махайского попадало прямо в точку, а также в самую гущу этого нового, восходящего и господствующего класса работников умственного труда, кем бы они ни были – принимающими решения, управляющими, директорами того или иного предприятия, выпускниками самых престижных учебных заведений, официальными и партийными идеологами и т. д., то есть руководящей элитой, а также всеми теми, кто берет на себя осуществление ее решений и обеспечивает функционирование всей системы.

Наш французский текст был написан в декабре 1978 года, то есть как раз после разрыва Союза левых сил и его поражения на выборах. Тем не менее, в его заключительной части мы писали о ситуации во Франции: «Само собой разумеется, что активисты социал-демократии приплясывают от нетерпения прошестьковать когортами по коридорам власти и получить возможность показать, наконец, свое умение. Подрастающие поколения сгорают от нетерпения, чтобы показать себя и спешно отрещиваются от прошлых поражений старших поколений. Главное для них собрать плоды своей образованности, придать вес своему “капиталу” компетентности». Не будучи провидцем, автор этих строк смог, опираясь на то, что мы называем «социально-политическим законом Махайского», предвидеть последующие события, хотя видимость не была многообещающей. Действительно, менее чем три года спустя один макиавелли из Шаранты (Франсуа Миттеран),

несравненный политик, не лишенный некоторой гениальности, привел, наконец, социализм и его союзников к власти.

Большой пир 1981

В один благословенный майский день этого года долгое ожидание, наконец, закончилось. Ушло в прошлое трогательное воспоминание о Народном фронте 1936 года вместе с неделями оплачиваемого отпуска и блокадой республиканской Испании, брошенной на откуп маврам Франко – при поддержке артиллерии Муссолини и нацистской авиации, Испании, получившей удар ножом в спину от Сталина. Прощай, радостное воспоминание о движении Освобождения, которое позволило сталинистам – союзникам и сообщникам Гитлера с сентября 1939 по июнь 1941 – выглядеть настоящими демократами и превратить страну на многие годы в духовного сателлита Москвы. Привет, Республиканский фронт 1956 года, который должен был положить конец войне в Алжире и который привел де Голля к власти. Здравствуй, человек с розой в руке, который смел с пути всех этих неудачников Истории во имя торжества Социализма. Он совершил, впрочем, победный марш в Пантеон, чтобы поприветствовать дух предков. Многие из его верных сторонников зашли даже так далеко, что стали размахивать деревянной саблей разрыва с капитализмом! Сулили золотые горы: общая программа правительства со своими 110 мероприятиями должна была изменить общество. Действительно, некоторые из них были проведены в жизнь, в частности национализация ряда хромавших промышленных предприятий и компаний, выкупленных по высокой цене у счастливых владельцев, довольных, что так хорошо от них избавились. Но добычей стали, в особенности, места и должности во всех административных службах и на всех государственных предприятиях: их было создано сотни тысяч в «государственном секторе». Среди первых, кто воспользовался этим, были, конечно же, члены победившего лагеря и те, кто их поддерживал, не забыли также

друзей и друзей своих друзей. Разные ассоциации и полуофициальные организации, в задачу которых входило поддерживать пламя энтузиазма сторонников, получили различного вида субсидии. Между тем, в отличие от «системы трофеев», господствующей, например, в Соединенных Штатах, где победившая партия завладевает в свою очередь ключевыми постами в государстве, в нашей красивой Франции с сильными государственными традициями, установившимися со времен Кольбера, создателя абсолютной монархии, и Наполеона, коронованного якобинца, занятые места и должности становятся настоящими неприступными крепостями.

В 1978 году мы стали свидетелями «развития так называемых гуманитарных наук, готовящих в избытке “социальных работников”, призвание которых временно подлатать слабые места системы: “целые батальоны социологов, психологов, урбанистов и других специалистов по психологической обработке» населения. В настоящий момент мы можем уточнить это приблизительное количество: речь идет не о «батальонах», ни даже не о полках, а о целых дивизиях, о настоящей армии умственных работников, которым вменялось в обязанность заделывать дыры в системе – стать, в какой то мере, «облегчителями», если воспользоваться словом из современного бюрократического жаргона.

Конечно же, подобная чрезмерная плодовитость не обошлась без задней мысли о выборах: следовало прочно привязать этот контингент к правительственному кораблю. Однако официальный представитель правительства Макс Галло выразил наивную озабоченность по поводу «молчания левой интеллигенции» и пожелание, чтобы эта страна «вновь стала местом брожения мысли». Ох, уж эти неблагодарные, которых осыпали милостями, а они ропщут, вместо того, чтобы целовать руку господина, по крайней мере, в уме! Газета *Le Monde*, официальный орган интеллектуалов, откликнулась на эту жалобу и напечатала несколько статей на эту тему. Наиболее примечательной, на наш взгляд, была статья Жака Селляра, озаглавленная «Немного нечистая совесть», в которой автор указывал, что

Макс Галло «поднял на ноги кролика, который может заставить нас бежать за ним гораздо дальше, чем это предполагалось поначалу». После пространного изложения ситуации Жак Селляр высказал пожелание, чтобы во Франции завязалась «широкая идейная дискуссия», отмечая при этом, что, «к сожалению, пока раздаются только слова, поднимающие пыль, и незрелые суждения. Иначе говоря, болтливое молчание». Статья заканчивалась цитатой из Махайского и его критикой «капиталистов знания»³. Со своей стороны, мы предложили в одном из либертарных изданий другое объяснение явления «молчание пресытившихся», в котором мы отметили, напротив, «оглушительный звук челюстей»⁴. Начиная именно с этого времени, во французском языке появилось выражение «лососевые» или «черно-икорные левые», обнажающее связи между социалистами и деловыми кругами. Открытие золотых тайников республики и дегустация капуанских деликатесов повлекли за собой невероятный поворот в сторону афер, по сравнению с которым скандалы прежних республик, как, например, скандал с Панамским каналом, дело Ставиского или афера с пиастрами, выглядят невинными детскими забавами. Социалисты стали похожими на своих предшественников радикал-социалистов, которые господствовали в III-й республике и их можно также сравнить с редисом: «красный снаружи, белый внутри и на тарелке всегда рядом с маслом»! Это произошло таким образом, что их противники из лагеря правых не смогли высказать свое добродетельное осуждение, поскольку сами были в такой же переделке и имели в своем активе не меньше подобных скандалов. Рука руку моет. Оба партнера с тех пор держат друг друга за бороду, а поскольку они часто посещают одни и те же масонские ложи, то оказывают друг другу еще и услуги. Амнистия для самих себя, за которую единогласно проголосовали депутаты в 1989 году по указке «социалиста-правдолюбца» Мишеля Рокара, тому доказательство. Случившийся несколько позже пожар в центральном помещении банка *Креди Лионнэ*, несмотря на свой преступный характер, остался по сей день нераскрытой тайной, должно быть потому, что многих это устраивает. Отметим

по этому поводу также появление нового выражения из «бархатного» языка: «личное обогащение» для обозначения кражи или хищения средств, осуществленного политическим деятелем. Ах, какие цветистые риторические украшения для таких простых вещей! Но ведь это так важно – не ранить слух названиями преступлений из криминального кодекса. Как бы там ни было, эта система была прикрыта со всех сторон: дружественная пресса и даже пресса противостоящих партнеров была тщательно «подмазана» или захвачена в собственные руки, как и профсоюзы и другие близкие им организации. Все происходило как в добрые старые времена III-й республики. Несмотря на это, некоторые заартачились и появились неплохие журналистские расследования⁵, и даже судьи, возмущенные подобным количеством непорядочных поступков, стали разыгрывать из себя «белых рыцарей» и возбудили несколько дел о «хищениях и злоупотреблениях общественной собственностью». Таким образом, свет не без добрых людей и можно не терять окончательно веру в человеческую природу.

**Ужасная новость:
Падение берлинской стены в 1989 году**

Достаточно было, чтобы в прусско-социалистической Германии народ, «не избранный властью», как говорил в свое время Бертольд Брехт, вышел на манифестации на протяжении нескольких недель, чтобы обрушилось прогнившее здание режима, не только там, на месте, но и в оплоте социализма Московской империи. Чрезвычайное событие, до которого многие не надеялись дожить! Тем не менее, падение тюрьмы народов далеко не всех осчастливило в среде левых, в «братских» партиях и даже в лагере капиталистических противников. Действительно, «великая ложь», поддерживаемая с терапевтическим рвением на протяжении десятилетий, разлетелась в пыль: до сих пор все держалось на мифе о строительстве социализма, конечно, несовершенного, прошедшего через всяческие пре-

вратности и в особенности через «чудовищное» сталинское отклонение, на которое списывали все зло, но все-таки в его основе должно было быть что-то хорошее, и он должен был раскаяться, стать «человеческим». А потом «суп с котом», все это было так далеко во времени и в пространстве, что можно было пускаться в фантазмагории в свое удовольствие и утверждать, что попало. Но вот все это обрушилось. Прощай, «алиби, чистая совесть и воздушные замки»! Капиталистические противники также были огорчены, так как, кроме удачных сделок, которые они могли заключать с государственным капитализмом восточных стран, мало эффективным в экономическом отношении, его существование служило им для того, чтобы отбить у их собственного населения всяческую охоту к недовольству существующим порядком, поскольку позволяло сказать «посмотрите, добрые люди, к чему это может вас привести!».

С этого момента стало невозможным отрицать явную правду, выстраданную народными массами тех стран. Пришлось признать, что это была тоталитарная система, бесчеловечная и преступная, такая же, как и ее национал-социалистическое (сокращенно, нацистское)⁶ alter ego, одновременно сообщническое и враждебное. Вспомним в этой связи о трудностях, которые испытывал основатель советологии Борис Суварин, чтобы издать в 1935 году свою главную книгу *о Сталине*. Когда Жорж Батай обратился к Андре Мальро, в то время самому влиятельному в редакционном комитете издательства Галлимар, с просьбой о поддержке, тот ответил: «Я думаю, что вы правы, вы, Суварин и ваши друзья, но я буду с вами, когда вы станете самыми сильными»⁷. Так будущий квартирант Пантеона выразил саму суть того отношения, которое мы только что заклеямили.

Французские сторонники «реального социализма», независимо, были ли они сталинистами, троцкистами, маоистами или членами других подобных сект, с восторгом открыли для себя *формальную свободу* выбрасывать на помойку труды своих властителей дум – Сталина, Троцкого, Мао и в меньшей мере Маркса, которые до сих пор они были обя-

заны глотать насильно с помощью таблеток аспирина (дело дошло до того, что сегодня эти произведения становятся библиографической редкостью!). Они в свое время обратились в веру и стали сообщниками системы, убийственной для человека и для свободы – тогда они были «модернистами». Теперь они стали «постмодернистами» и меняли веру, кто на религию (из одного мракобесья в другое!), кто на массмедиа или на «бизнес». Некоторые проходят политическую переподготовку у социалистов, у зеленых или даже у правых.

Интеллектуальная «проституция», высшая стадия капитализма знания

Отметим, что их опыт борцов не был потерян: они научились маневрировать в хитросплетениях власти, даже мелкой, сколачивать группы, манипулировать собраниями, создавать направления и фракции, проталкивать решения на голосование, расщеплять волос на четыре или на восемь. Все эти умения помогают им теперь подниматься по социальной лестнице, вопреки «отказу от стремления добиться успеха» в буржуазном обществе, которым так гордились революционеры былых времен. Избавившись от обязательства соблюдать целомудрие, они могут предаваться самому большому распутству, добиваться успеха, зарабатывать деньги, стать добропорядочными и появляться в светском обществе. Это им не мешает при случае преподносить уроки нравственности и хорошего поведения. Каким доверием могут они еще пользоваться? Они совершили ошибку, в лучшем случае, сбились с правильной дороги, они ввали и покрывали ложью, они ни о чем не сожалеют и не совершили акта публичного покаяния, они могут рассчитывать только на короткую память старшего поколения и на наивность молодых, принимая в свою очередь неофициальный закон «самозабывчивости».

В то время, когда писались эти строки, стало известно из газет о показательной и карикатурной иллюстрации этой эволюции: оказывается, «мыслители и предприниматели

отмечают как раз свой медовый месяц». Из «выдающихся интеллектуалов» марксистско-ленинской закалки – писателей, философов – один пошел на службу к крупному капиталисту, другой стал «другом и биографом владельца большой фирмы», третий – «администратором промышленной группы и советником некоторых владельцев фирм». Мы узнали, таким образом, о существовании специального «агентства по использованию выдающихся личностей», деятельность которого состоит в том, что оно «предлагает предприятиям приходящих извне специалистов по организации конференций, круглых столов, конгрессов, конвенций, собраний по мотивации и другим коммуникативным операциям». По словам руководительницы агентства, «недавние аферы, которые всколыхнули политическую и экономическую среду, подтолкнули предприятия к размышлению над понятиями этики и ответственности. Они рассчитывают в огромной мере на философов, чтобы обогатить свои мысли»⁸. Оказываемые услуги не являются благотворительными, их стоимость колеблется от 1200 до 7500 евро за каждую. (Речь идет, конечно, об аристократических зарплатах, о которых говорил Жорж Сорель). Это непременно наводит на мысль, что мы имеем дело о «предоставлении услуг» иного рода. Единственный вопрос, который можно себе ставить, именно в плане этики, это вопрос о том, что более серьезно: развращать свой благородный орган – мозг, или орган неблагородный – плоть?

Это – новое явление в стране Просвещения и прав человека, – а также обязанностей гражданина, что часто забывают указывать, – в стране, которая когда-то имела репутацию «самой остроумной в мире», возможно не без связи с тем фактом, что это также страна, которая является «чемпионом мира по транквилизаторам», и что критическая мысль в ней находится на уровне близком к нулю. Умы, которые нынче в моде, одеты в лакейские ливреи. Некоторые объясняют этот упадок влиянием майского движения 1968 года, что, по нашему мнению, неверно. Упадок вызван скорее теми, кто воспользовался этим движением, так как это было спонтанное движение молодежи, направлен-

ное против «современности», которую ей готовили; в своей основе оно было либертарным, а не примиренческим, как многие пытались это представить впоследствии. Редчайшее явление: к растерянности всех этих политиков, «король оказался голым», то есть государство полностью исчезло на целых три недели!⁹ Философская мысль, даже если она считала себя передовой, в этом никак не была замешана и ошибалась, когда считала, что наступил ее славный час, что не помешало ей извлечь из этого пользу в институционном плане.

Самое крупное ограбление XX века в «раю для трудящихся»

Что касается плачевной судьбы населения бывшего Советского Союза, его недавние горячие сторонники заботятся об этом, как о прошлогоднем снеге. Советская экономика была ориентирована главным образом на развитие тяжелой индустрии – пресловутого военно-промышленного комплекса, имея целью завоевание «свободного капиталистического мира». «Пролетарский интернационализм» прикрывал в то время эти империалистские устремления. После жалкого провала попыток сравняться с западной технологией и несчастья, в которое они ввергли страну, мы увидели с изумлением, как бывшие предводители Московской коммунистической партии выпрашивали субсидии и призывали на помощь лучших экспертов международного капитализма по экономике, в частности экспертов Международного Валютного Фонда. Те предлагали рецепты структурной перестройки, предназначенные для стран третьего мира: разрушение государственного аппарата, строгую экономию средств, освобождение цен, сокращение социальных расходов, закрытие нерентабельных предприятий, массовую приватизацию, и т. д. Все это происходило исключительно в пользу номенклатуры – верхушки советской интеллигенции, которая держала в своих руках рычаги управления и которая объединяет в своих рядах вперемешку тех, кого называют «новыми русскими», «оли-

гархами», многочисленные мафиозные структуры и кадры бывшего КГБ, находящиеся сегодня официально у власти. То есть, в общих чертах, речь идет о тех же людях, что и раньше, только называют их теперь «либералами», «демократами» и т. д. «Капиталисты знания» стали просто «капиталистами», захватив в свою личную собственность то, чем они уже и так располагали раньше.

Последствия таких конских доз лекарств и того, что некоторые назвали «самым крупным ограблением века», не заставили себя ждать: цены на продукты питания значительно выросли, накопились задержки в выплате зарплат и пенсий, социальное обеспечение обанкротилось, и вследствие всего этого девять десятых населения оказались в самой глубокой растерянности и в состоянии обнищания - за чертой бедности, на уровне стран третьего или даже четвертого мира. Все это произошло потому, что в 1917 несколько фанатичных интеллектуалов захотели диктовать обществу законы сверху, используя при этом самую неистовую демагогию и устранив при помощи невиданного свирепого террора любую попытку народной самоорганизации на основе объединения и кооперации.

Удастся ли социалистам спасти капитализм?

Следует ли твердить снова и снова о том, что капитализм – это слепая и глухая машина, которая давит все на своем пути во имя еще более высокого и быстрого дохода, максимальной рентабельности, не испытывая при этом никаких чувств. Он использовал замечательные успехи науки и техники, достигнутые на протяжении последнего столетия, исключительно ради этой цели. Самые последние его достижения на острие прогресса в области коммуникации имеют целью сделать мысль быстрой, легкой, двоичной, в случае надобности пиктографической, устранив тем самым необходимый в обычных условиях процесс размышления. Греки, создавшие самую высокую для некоторых, в том числе для нас, человеческую цивилизацию, различали два типа забот у человека: выше и ниже пояса.

В господствующей системе преобладают последние: здесь господствует самый грязный и отвратительный, самый патологический и надоедливый расчет. «Продать» и «продаться» – вот ее лозунг. Что посеешь, то пожнешь, и каждый день мы постоянно видим результаты этого выбора и этих преступлений: в дегуманизации человеческих отношений, в окружающей среде, в питании, в повседневной жизни. Америка задает тон при помощи «большой дубинки» и своих «американских одурений» во всех изображениях жизни. Ее экономика стала барометром для всей планеты, привязанной постоянно к курсу доллара и колебаниям Уолл-Стрита. А всемогущий доллар, ставший мировым валютным эталоном, представляет собой всего лишь клочок бумаги и имеет ценность только благодаря доверию, которое к нему по собственной воле питают, с тех пор как в 1971 году американский президент Ричард Никсон упразднил его золотое обеспечение, покрывавшее в то время четверть денежной массы, находившейся в обращении. Чтобы понять это, вовсе не нужно иметь диплом политолога. Все это полностью виртуально и служит основой для отдельных спекуляций, связанных с влиянием того или иного лобби, не говоря уже об огромной доле «грязных» денег, отмываемых в мировой финансовой системе. Отдельные пузырьки, составляющие этот огромный финансовый пузырь, регулярно лопаются, над ним висит угроза краха, и придется найти решение, которое соответствовало бы реальной ценности производимых благ.

Как бы там ни было, западное общество потребления почти полностью покрывает все потребности, недостаточность удовлетворения которых лежала в основе социалистического проекта. Поскольку система не может процветать на пустом месте, она постоянно создает царство видимого, в котором ничтожество соперничает с легкомыслием. Это происходит в ущерб качеству действительных потребностей и природных ресурсов, которые бессмысленно расходуются. Этот безумный рост становится все более похожим на гонку к пропасти. Человек – самый большой хищник по отношению к своей планете и к самому себе: люди используют самые худшие средства, чтобы с

легкостью убивать друг друга в гражданских, этнических и религиозных войнах, пришедших на смену прежним войнам между государствами, но ничуть не уступающим им в варварстве. Быстрый рост населения на африканском, азиатском и южно-американском континентах, поддерживаемый религиями в поисках паствы и государствами, нуждающимися в налогоплательщиках и пушечном мясе, не предвещает ничего хорошего для все более неуверенного будущего. Если не наступит изменений, все это дает основания опасаться даже за само выживание человеческого рода. Что предлагают социалисты перед лицом всех этих опасностей и подводных рифов? Никакого долгосрочного анализа, никакой положительной перспективы. Только самовнушение по методу знаменитого французского аптекаря Куз: «Дела идут плохо? С нами все будет лучше!» То есть небольшие реформы там и сям, подправить штукатурку на фасаде общества, а на самом деле, спокойное управление, на глазах у всех, существующей системой, никакой альтернативы, чтобы перейти от «руководства людьми к управлению вещами», цели, которая была поставлена первыми социалистами XIX века, заботясь исключительно о приобретении себе тепленьких и выгодных местечек. В этом состоит их огромная ответственность, полностью оправдывающая критику со стороны Махайского.

*Александр Скирда,
февраль 2001 г.¹⁰*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И КОММЕНТАРИИ

1. Jan Waclav Makhaïski, *Le Socialism des intellectuels*, textes choisis, traduits et présentés par Alexandre Skirda, Paris, 1979, Editions Le Seuil, collection de poche Points № 12, 256 с. Содержатся большие выдержки сочинений Махайского. Пользуемся также случаем, чтобы воздать должное памяти основателя марксологии Максимилиана Рюбеля (1905-1996), который посвятил свою жизнь защите Маркса от «марксистов» и «марксизмов», и который, несмотря на некоторые расхождения со взглядами Махайского и нашим анализом, способствовал первому изданию книги.

2. G.Sorel, *Réflexions sur la violence*, Paris, 1908, с.139 (текст работы написан в 1906 году).

3. *Le Monde*, 4 августа 1983. Точка зрения Макса Галло была опубликована в этой же газете 26 июля. Не исключено, что Махайский сыграл скромную роль в этом «молчании», так как первое карманное издание нашей книги разошлось в количестве более 6000 экземпляров. Отметим несколько отзывов, посвященных ему в то время: Philippe Meyer: «Ceux par qui le totalitarisme arrive», *L'Express* du 22 au 28 décembre 1979, с. 36-37; *Le Monde diplomatique* de mars 1980 (signé M.T.M.); *Autogestions*, № 2-3, 1980, с. 375-377 под ред. Рэнэ Люро; пространная и пламенная статья Марка Фэрро: Marc Ferro «Avez-vous lu Jan Waclav Makhaïski?», опубликованная в журнале С.Е.Р.Е.С. *Non!* mai-juin 1980, с. 163-165; и, наконец, статья Жана-Пьера Гарнье в *Etudes de marxologie*, № 21-22, 1981, с. 1075-1085.

4. *Le Monde libertaire*, № 500 от 13 октября 1983.

5. Назовем некоторые из них: Monique Dagnaud et Dominique Moll, *L'Élite rose*, Paris, Ramsay, 1982; Alexandre Wickham et Sophie Coignard, *La Nomenclatura française, Pouvoirs et privilèges des élites*, Paris, Belfond, 1986; Thierry Pfister, *La République des fonctionnaires*, Paris, Albin Michel, 1990, Antoine-Gaudino, *L'Enquête impossible*, тот же издатель, 1990 (о деле Юрба, связанном с перекачиванием денег в кассу Социалистической партии); Sophie Coignard et Marie-Therèse Guichard, *Les Bonnes Fréquentations, Histoire secrète des réseaux d'influence*, Paris, Grasset, 1997; Denis Robert, *Pendant les «affaires», les affaires continuent...*, Paris, Stock, 1997; Louis Bériot, *Abus de biens publics, Enquête sur les milliards gaspillés par l'État, les chiffres, les preuves, les responsables*, Paris, Plon, 1999.

6. Следует признать тот очевидный факт, что Гитлер является внебрачным сыном Ленина, у которого он позаимствовал идею единой партии, политической полиции и концентрационных лагерей – и Версальского договора. Это сочеталось в нем с немецким расистским пангерманизмом, что очень хорошо отметил в своей замечательной четырехтомной антологии Шарль Андерлер: *Les Origines du pangermanisme, Le pangermanisme colonial sous Guillaume II, le pangermanisme continental sous Guillaume II et le pangermanisme philosophique*, Paris, 1915. См. также: Hannah Arendt, *Le Système totalitaire*, Paris, le Seuil, 1972.

7. Предисловие Бориса Суварина к переизданию его труда издательством Champ Libre, Paris, 1977, с. 11-12. Книгу можно все еще приобрести в том же издательстве, которое теперь называется Éditions Ivréa. По этому поводу можно прочесть биографию Суварина: Jean-Louis Panné, Paris, Robert Laffont, 1993, с. 223, а также рукопись Charles Jacquier, *Histoire d'un livre d'histoire, l'écho du Staline de Boris Souvarine (1935)*, 155 с., особенно с. 19-21.

8. Sébastien Le Fol, *Les grandes consciences au service des grands patrons*, Le Figaro, 6 février 2001.

9. Это не рискует повториться в ближайшее время, поскольку урок пошел впрок: в последующие недели брусчатка исчезла с парижских улиц и бульваров (за исключением богатых кварталов); студентов рассредоточили по разным местам, впрочем, они больше не учатся, а «работают». Парижане, народ «самый революционный во всей истории», под предлогом обновления жилья были выселены на окраины и заменены на высших чиновников, и на так называемых «бобу» (богемных буржуа, по последнему определению, модному у продвинутой интеллектуальной буржуазии и последний их вариант: ли-ли-бобу – либералолибертарные богемные буржуа) и разношерстным населением, которое не знает и не признает местные парижские традиции.

10. Перевод предисловия второго французского издания: Jan Wacław Makhański. *Le socialisme des intellectuels*. Les Editions de Paris, 2001. (Это издание содержит три дополнительных текста Махайского, переведенных на французский язык, составляя с остальными текстами первого издания приблизительно две трети всех работ Махайского.)

Библиографическое послесловие

Вопросы, касающиеся интеллектуалов: кто они? какова их социальная роль? какое место они занимают в политических системах? – постоянно возникали в прошлом и продолжают возникать в наши дни. Только за десять лет, с 1967 по 1977, в бывшем СССР «советской интеллигенции», например, посвящено более 2000 исследований!¹ Эта тема также постоянно возникает во французских средствах массовой информации и научных публикациях, и попытка дать их полный обзор была бы скучна, тем более, что чаще всего они базируются на достаточно туманных постулатах и софизмах. Действительно, в них почти исключительно рассматривается литературная и философская деятельность интеллигенции, обособленно от всей совокупности работников умственного труда существующего общества, отражением которого она однако является. Социолог Рэнэ Луро называет это «ляпсусом» интеллигенции². Следующий ниже библиографический обзор, несмотря на его неполноту, отражает основные труды на эту тему в непосредственной связи с проблемами, затронутыми в нашем исследовании.

Прежде всего, отметим опубликованную в Америке на английском языке монографию, посвященную Махайскому: Marshall S. Shatz, *Jan Waclaw Machajski, A radical Critic of the Russian Intelligentsia and Socialism* (University of Pittsburgh Press, 1989, 251 p.). Автор рассматривает жизнь и творчество Махайского в семи разделах: Польша и Сибирь, Новый класс, Интеллигенция и социализм, Обобществление знания, Рабочий заговор и русское революционное движение, Краков–Париж–Москва, Махаевщина после Махайского. В приложении воспроизведен текст листовки, написанной Махайским к Первому мая 1902, в конце книги приводится библиография.

Автор, по его собственному заявлению, ставил перед собой в этой книге три цели: 1) дать полную биографию и историю Махайского и махаевщины, принимая во внимание то обстоятельство, что «ни одного исследования на эту тему ни на каком языке не существует» (курсив наш А.С.);

2) рассмотреть специфику и историческое значение русской интеллигенции в свете концепций Махайского; 3) определить (автор употребляет английский глагол *to identify*) исторический вклад Махайского в разработку понятия «новый класс».

Обоснование Шатцем первой цели кажется странным: он приводит в своей библиографии только русское издание Махайского, вышедшее в Балтиморе в 1968 году, которое мы постоянно использовали для перевода на французский язык; более того, он не упоминает нашу работу, появившуюся на десять лет раньше, чем его собственная. Может быть, это произошло из-за незнания французского языка? Кажется, нет, поскольку в библиографии содержатся работы на этом языке, а сам автор категорически утверждает «ни на каком языке»! Надо полагать, что наша работа *игнорируется преднамеренно*. Доказательством этому служит тот факт, что в 1978 году автор посещал Международный институт социальной истории в Амстердаме, а мы несколько раз работали в этом институте с 1972 по 1977 год, и персонал института должен был обязательно предоставить ему информацию о наших исследованиях и о появлении нашей работы. Вероятно, объяснение следует искать в том, что он не мог признать, что какой-то неизвестный французский историк, «самостоятельный исследователь» (то есть не подкупленный ни государством, ни кем-либо), к тому же не принадлежащий даже к местной университетской номенклатуре, обошел его на целых десять лет! Тем более, что он, судя по всему, построил всю свою университетскую карьеру на Махайском – это была тема его докторской диссертации – и стал профессором истории в Массачусетском университете в Бостоне, вершине интеллектократии в США. Риск скандала был незначительным, поскольку там почти никто не читает на французском языке, и пока бы это вышло наружу, утекло бы много воды, а сей ученый муж спокойно ушел бы на пенсию. Показательный факт для университетских нравов, впрочем, не только исключительно американских. Как бы там ни было, налицо парадокс: Махайский, разоблачитель «капиталистов знания» сам был использован в качестве «университетского

капитала»! В заключение отметим, что все ссылки и источники в этой работе совпадают с нашими, но зато в ней имеются большие пробелы, касающиеся анализа марксизма, социализма и советской интеллигенции. Несмотря на все, автор этих строк остается минималистом и довольствуется самым фактом ее существования.

Тема руководящих элит в продолжение анализа Махайского была блестяще рассмотрена в исторической перспективе теми, кого Джэймс Бернхем называл «макиавеллистами»³. Он имел в виду итальянскую социологическую школу конца XIX – начала XX века, к которой принадлежали Гаэтано Моска и Вильфредо Парето. Он включает туда, на наш взгляд, ошибочно Жоржа Сореля и Робера Мишеля. Первый из последних представляет собой особый случай. Вне всякого сомнения, это самый оригинальный из французских мыслителей XX века, несмотря на его «колебания», и он заслуживает отдельного рассмотрения. Что касается второго, хотя он начал и закончил свою университетскую карьеру в Италии, его отец – немец из Кельна, а мать француженка. В его внешности не было ничего от латинянина: это был блондин двухметрового роста с голубыми глазами. Основную известность ему принесли исследование немецкой социал-демократии, в борьбе которой он принимал участие на протяжении ряда лет, и «железный закон олигархии», который был рассмотрен выше.

Моска (1858-1941) разработал теорию руководящего политического класса, которая сжато представлена в следующем высказывании: «Во всех странах, достигших даже посредственного уровня культуры, правящий класс оправдывает свою власть, основывая ее на вере или чувстве, которые повсеместно принимаются в данную эпоху и данным народом. В зависимости от конкретного случая этими чувствами могут быть предполагаемая воля народа или бога, сознание принадлежности к отдельной нации или к избранному народу, традиционная преданность династии или доверие к индивиду, наделенному исключительными качествами, действительными или мнимыми»⁴.

Не опровергая социалистическую критику частной собственности на средства производства, Моска определяет ее границы, указывая, что если они «переданы государству, те, кто им управляет и кто всегда находится в меньшинстве, объединили бы с этого момента экономическую власть с политической. Вследствие этого они получили бы в свое распоряжение огромные средства, позволяющие облегчить карьеру их собственным детям, а также лицам, которым они захотели бы покровительствовать»⁵. Махайский, который не мог знать об этой современной ему теории, утверждал то же самое! Моска видел, что вся история цивилизованного человечества сводится к «конфликту между тенденцией господствующих элементов к монополизации власти и передаче ее по наследству и тенденцией к смещению старых сил и появлению новых»⁶. Этот чисто социальный или социологический анализ борьбы классов не лишен интереса.

В.Парето (1848-1923), также итальянец по происхождению (мать француженка, как и у Мишеля, с которым он поддерживал постоянные отношения), работал преподавателем большей частью в Швейцарии, в Лозанне, и оставил значительное по объему наследие. Его взгляды близки к взглядам Моска, с которым он оспаривал пальму первенства. Он различает правящую элиту, подразделяющуюся на правительственную и неправительственную, и управляемую массу. Он заимствует определения Макиавелли, выделяя в рамках элиты «лисов» и «львов», олицетворяющих соответственно хитрость и силу, или тонкость и насилие как средства правления⁷. Первые представлены «финансистами, биржевыми игроками и промышленниками»; вторые представлены «рантье» (имеющими постоянные доходы, трудящимися, живущими на зарплату: рабочими, служащими, интеллигенцией и т. д.), из которых образуется новая элита управляемого класса. Трусость, ослепление и лицемерие первых (буржуазии) неизбежно готовит пришествие вторых. Законно то правительство, которому «удалось убедить подчиненных, что оно соответствует их интересам, их долгу и их чести повиноваться меньшинству»⁸. Движение элит представляет собой двустороннее движение

между лисами и львами, между их «остатками», представляющими собой постоянную, инстинктивную, противоречащую логике и самую важную часть социальных фактов, и «производными», составляющими, напротив, изменчивую, логическую, рациональную и внешнюю их часть. Равновесие устанавливается поочередно при помощи «комбинации». В отличие от Маркса, Парето видит в экономической классовой борьбе только один из аспектов вечного конфликта между правящим меньшинством и подчиненным большинством. Он близок также к Махайскому, когда утверждает, что возможная победа пролетариата на самом деле приведет только к господству меньшинства, которое будет говорить от его имени, привилегированного, как все элиты, которые ему предшествовали и последуют за ним. Несмотря на разоблачение плуто-демократических режимов, Моска и Парето, тем не менее, рассматривали их как менее опасные для личных свобод.

Следует отметить еще одного политического социолога того времени – Моисея Острогорского. Его судьба была необычной: он родился в 1854 году в Белоруссии, получил образование в Санкт-Петербурге, продолжил учебу во Франции, затем посвятил свои силы изучению функционирования демократии в английской и американской политических системах. Он часто ездил в эти страны, чтобы их изучать на месте. В результате в 1903 году на французском языке вышло его содержательное исследование *Демократия и политические партии*⁹. Его новаторский анализ пользуется до сих пор авторитетом в англосаксонских странах и, по всей видимости, служил источником вдохновения для Мишеля в его исследовании, посвященном германской социал-демократии. Его выводы сходны: во главе партийного бюрократического аппарата оказывается олигархия, которая всем распоряжается. Он видит единственный противовес во «власти разума» и «могуществе идеала» индивида, являющегося «самым несносным», поскольку он «идет наперекор коллективистским концепциям новых социальных реформаторов и их якобинским тенденциям». В заключение Острогорский пишет пророческие слова, с которыми многие согласятся: «Результаты, возможно, не будут соот-

ветствовать нашим усилиям, возможно, мы будем часто разочарованы, но мы никогда не будем побеждены; поскольку, до тех пор, пока будет жить идеал, битва будет продолжаться»¹⁰. Он вернулся в Россию и в 1906 году непродолжительное время занимался политической деятельностью в качестве одного из видных членов либеральной кадетской партии. Затем он вновь уезжает на запад, где публикует переработанное издание своего исследования, после чего окончательно возвращается в Россию. Здесь в 1919 году во время правления этих самых «новых якобинских реформаторов» он погиб при невыясненных обстоятельствах.

Анри де Ман, бельгийский социалист, прошедший школу немецкой социал-демократии, в зрелом возрасте пересмотрел свои марксистские убеждения и издал труд критической направленности, два раздела которого привлекли наше внимание: «Интеллигенция и государство» и «Социализм интеллектуалов»¹¹.

Он начинает с простого и разумного замечания, из тех, которые, к сожалению, редко становятся всеобщим достоянием: «Достаточно любопытно, что марксизм, хотя поначалу он, как и любая другая доктрина, был просто занятием интеллектуалов, не отводит им самим никакого места в своем описании общества. Однако класс интеллектуалов является таким же характерным и таким же важным продуктом индустриальной эпохи, как и пролетариат. Он является характерным, потому что разделение интеллектуального труда и труда физического стало законом производства только при капиталистическом строе. Он является важным, потому что речь идет о классе, образ мышления которого определяет все содержание современной цивилизации, который поставляет государству и экономике руководящий персонал и составляет, таким образом, группу, которая руководит всем обществом». Это же Махайский чистой воды, или мы в этом ничего не понимаем! На самом деле де Ман не мог знать работы Махайского, по крайней мере, непосредственно, из-за языкового барьера. Он продолжает в том же духе: «Политическая диктатура пролета-

риата является нонсенсом уже хотя бы потому, что диктатура означает правление одного диктатора, а не правление какого-то мифического монстра с миллионом голов. Под так называемой диктатурой пролетариата пролетариат настолько же является объектом политики, как и капиталист в государстве, которое марксизм рассматривает как «совет по управлению» капиталистическими классами. У пролетария также нет времени на правление именно потому, что он является пролетарием. Нельзя проводить целый день за станком, а вечером руководить страной». Для де Мана марксизм является в большей степени наукой о капитализме, чем наукой о социализме, а отрицание класса интеллектуалов «ведет к невозможности понимания фундаментальных исходных данных проблемы государства». Он определяет задачи руководства, составляющие часть функций интеллигенции в производстве, и отделяет от них умственный труд, который в большей степени является исполнительским. Его вера основывается на этической мотивации социализма, достаточно туманной, чтобы позволить надеяться на лучшие дни. Что же касается де Мана лично, эта позиция привела его к тому, что он занял пост министра в бельгийском правительстве, сотрудничавшем с немецкими оккупантами во время второй мировой войны. Этот факт объясняет его исчезновение из послевоенной политической жизни, но не умаляет значимости предпринятого им анализа марксизма и социализма.

В завершение обзора вновь обратимся к конструктивной части взглядов Махайского, слабость которой мы уже отметили. Действительно «обобществление или социализация знания» не может быть готовым решением. Это подтверждается недавним примером бывшего СССР, где наличие десятков миллионов специалистов с дипломами о среднем и высшем образовании не помешало стране плыть по воле течения. В их оправдание можно напомнить о «забывании» мозгов на протяжении десятилетий чтением и необходимым знанием произведений «пророков» научного социализма. Их подвергли «лоботомии», и потребуются много времени, чтобы избавиться от всего этого шлака.

Знание, распространяемое на Западе, также не отличается невинностью, оно задумано так, чтобы лучшим образом соответствовать официальным критериям. Настоящее знание должно соответствовать потребностям реальной жизни, исходя от каждого индивида и возвращаясь к нему, а не ухищрениям системы господства, какой бы она ни была. Следует принимать во внимание также и другие факторы, такие, как культурное, семейное и социальное окружение. Уравнение вознаграждения, которого требовал Махайский для рабочих физического труда, не решает все проблемы, даже если оно может вернуть значимость неквалифицированным исполнительским задачам. Для квалифицированного ручного труда доход пропорционален специализации и может соперничать с доходом «белых воротничков». Следует отметить, что в постиндустриальных обществах третий (непроизводственный) сектор постоянно развивается за счет первого и второго, что не приводит, однако к исчезновению разделения «управление – исполнение». Напомним также, что целью освобождения рабочих, провозглашенной еще до 1900 года, было упразднение существующей системы оплаты труда, а не ее усовершенствование. В отношении «рабочего заговора», выражавшегося во «всеобщей забастовке», проповедуемой в то время революционными синдикалистами, на французских примерах 1936 и 1968 годов стало понятно, к чему это может привести: государство и капитал пошли на некоторые уступки, и этого оказалось достаточно, чтобы охладить пыл большинства. Здесь мы касаемся самой серьезной проблемы человечества: проблемы отказа от индивидуальной воли к жизни и добровольного коллективного подчинения. Всяк своего счастья кузнец.

Александр Скирда,
март 2001 г.¹²

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И КОММЕНТАРИИ

1. М.Р.Зезина. *Советская интеллигенция в условиях развитого социализма*. Издательство МГУ, 1982, с.5
2. René Lourau. *Le Lapsus des intellectuels*, s.1., Privat, 1981, 293 с.
3. James Burnham. *Les Machiavéliens, défenseurs de la liberté*, Paris, 1949, Calmann-Lévy, 294 с.
4. G.Mosca. *Histoire des doctrines politiques*, Paris, 1965, Payot, с. 244-245.
5. *Там же*, с. 251.
6. G.Mosca. *The ruling class*, New York, 1939, с. 65-66.
7. У Макиавелли лису угрожает волк, а льва подстерегает усталость и западня (*Принц*, глава 18).
8. Raymond Aron. *Les étapes de la pensée sociologique*, Paris, Gallimard, 1967, с. 463. Парето известен также как экономист, продолжатель Вальра, вслед за которым он преподавал в Лозанне свою *Чистую экономику*. Его труды переведены на французский язык: *Les Systèmes socialistes*, 2 тома (с. 412 и 495), Paris, 1926; *Traité de sociologie générale*, 2 тома (1763 с.), Paris, 1917; *Manuel de l'économie politique*, Paris, 1927, 697 с.; и любопытная книжица *Le Mythe vertuiste et la littérature immorale*, Paris, Marcel Rivière, 1911, 186 с.
9. Первое издание в двух томах вышло в 1903 г.; мы располагаем книгой, переизданной в одном томе, Paris, Calmann-Lévy, 1912, 728 с. Неполный текст книги переиздан в 1979 г. (Editions du Seuil, collection Points) с предисловием Пьера Розанваллона.
10. *Там же*, с. 718-719.
11. Henri de Man. *Au delà du marxisme*, Bruxelles, L'Églantine, 1927, переиздана в 1974 году издательством Seuil. Речь идет о двух разделах – VII и VIII, с. 169-204. Что касается названия «Социализм интеллектуалов», следует отметить, что оно было довольно распространенным в то время, мы его используем в духе той эпохи, не претендуя на оригинальность.
12. Перевод со второго французского издания.

СОДЕРЖАНИЕ

Порицатель «капиталистов знания»	7
Библиографические ссылки и комментарии	92
Социалистический обман, предисловие ко 2-му французскому изданию 2001 г.	103
Библиографические ссылки и комментарии	118
Библиографическое послесловие	121
Библиографические ссылки и комментарии	129